

Глава 2

ТРУДНЫЕ ГОДЫ. А.А. БАЕВ и В.А. ЭНГЕЛЬГАРДТ

Е.В. Баева

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Огромное счастье выпало на долю А.А. Баева, что его судьба пересеклась с линией жизни Владимира Александровича Энгельгардта. С того дня, когда он пришел к Владимиру Александровичу Энгельгардту аспирантом, потом в лабораторию Института биохимии в Москве и, наконец, через 17 лет вернувшись в науку (благодаря неустанным стараниям Владимира Александровича), Александр Александрович не имел, да и не хотел иметь права на поблажку; он весь свой ум, волю и силы употребил служению науке, чтобы Энгельгардту не было досадно и стыдно за него и не возникало ощущение, что он ошибся в нем.

Владимир Александрович Энгельгардт не тащил за руки своих учеников, полагаясь полностью на их природные данные, работоспособность и самолюбие (в хорошем смысле этого слова); его помощь всегда была тактичной — он радовался успехам и не упрекал за ошибки. Владимир Александрович был эталоном благородства, интеллигентности, доброжелательности, глубокой культуры, душевной и внешней красоты. Это был тот тип человека, при контакте с которым каждый, как мне кажется, хотел в чем-нибудь походить на него. И я уверена, что для Александра Александровича с первых дней его знакомства с Владимиром Александровичем Энгельгардтом не было лучшего примера для подражания.

В своих воспоминаниях о самых трудных годах в жизни нашей семьи я не раз еще буду писать о Владимире Александровиче Энгельгардте и Милице Николаевне Любимовой-Энгельгардт, так как только благодаря их моральной и материальной поддержке и я, и дети, и вся семья в целом избежали мучительных тягот и возможных трагедий.

Извилист и непредсказуем путь Судьбы человеческой. Эта "дама" бежит впереди тебя, как бы указывая путь следования. На развилке дорог останавливается, пропуская тебя вперед, и терпеливо ожидает, какое направление ты выберешь. Иногда она останавливается на прямой и ровной дороге и опять пропустит тебя вперед — это знак

непредвиденной беды, и она стоит за твоей спиной до тех пор, пока ты не справишься с обрушившимся на тебя несчастьем.

В августе 1941 г. я с первым мужем (инженером-геофизиком Дмитрием Германовичем Косякиным) и двухлетним сыном Юрой возвращалась в Москву из трехлетней геофизической экспедиции на Таймыр. Наш океанский пароход вместо того, чтобы плыть на запад, взял почему-то курс на восток до Медвежьих островов. По пути следования он везде забирал зимовщиков. Когда мы приплыли в Игарку, на палубу поднялся военком¹. Переписав по паспортам всех мужчин и нескольких женщин, он сообщил, что Германия напала на Советский Союз и обязал всех включенных в список через три дня (для устройства семей, у кого они были) явиться в военкомат, имея при себе... Это был оглушающий удар! Через три дня ожидавший мобилизованных речной пароход увез всех в Красноярск, оттуда эшелоном в Москву, и через две недели офицеры были уже отправлены на фронт. Через 20 дней мой муж погиб в бою под Смоленском — ему было только 28 лет...

За три дня он успел найти мне с сыном комнату (в Новой Игарке), оплатил ее за год вперед, оставил нам часть денег, остальные положил на книжку на мое имя (деньги оказались арестованными до конца войны). Я быстро устроилась на работу управделами Игаркторга (в Старой Игарке) и нашла для сына очень хорошую пожилую няню, эвакуированную из Мурманска. Между работой и моим жильем было 4 км, следовательно, мой ежедневный путь был равен 8 км по дощатому "тротуару" вдоль забора знаменитой Игаркской лесобиржи с одной стороны и реденькой лесотундрой — с другой. Особенно тяжел был этот путь зимой: темно (редкие фонари на лесобирже), мороз, ветер, а руки заняты обедом из столовой и сумкой с молоком и продуктами для сына. Я накидывала на голову большой шерстяной плед и, ориентируясь по носкам валенок, ощупью проделывала обратный путь. А еще была забота о покупке и доставке дров и снабжении водой из речки, протекающей под крутым обрывом, поднимаясь по которому, я часто падала вместе с полными ведрами вниз.

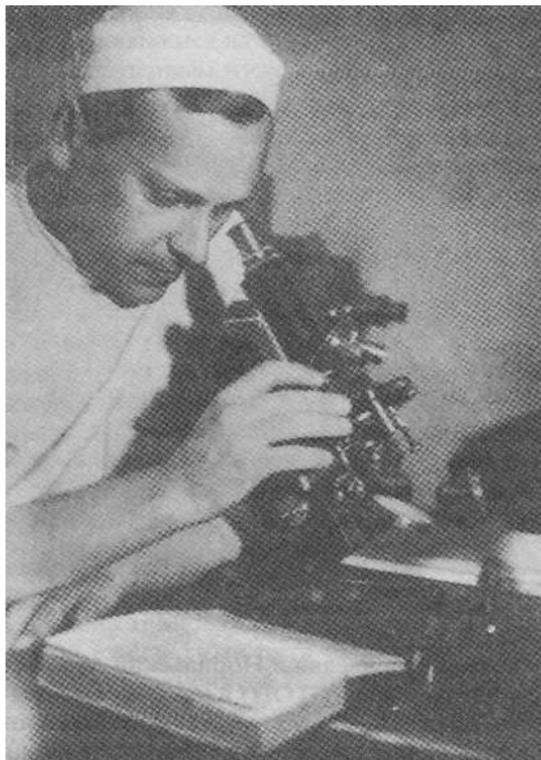
Осенью 1943 г. я решила перебраться в Норильск, где жизнь и возможность устройства на работу были несравненно лучше и зарплата выше. Норильский никелевый комбинат был известен на всю страну, так как снабжал фронт и государственную казну никелем и цветными металлами, добывал уголь для местной промышленности, учреждений и для иностранных судов, приходивших в Игарку за лесом. Попасть в Норильск с сыном и няней стоило мне большого труда, так как он был поселком закрытого типа, где не хватало жилья для вольнонаемных. Прожив несколько дней в Дудинской гостинице, я через фильтрационный пункт пробила пропуск только себе и получила обещание утрясти вопрос с жильем. Поселили меня к женщине с ребенком, которая уезжала в Мончегорск. На работу приняли старшим инспектором управделами, а позднее перевели на должность заведующей машинописным бюро комбината. Имела благодарности, премии и медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг."

А.А. Баев в окрестностях Норильска. 1945 г.

А.А. Баева по этапу привезли в Норильский лагерь из Соловецкой тюрьмы особого назначения (СТОН) в начале сентября 1939 г. Около полутора месяцев он был на общих работах — долбил промерзший грунт под фундамент очередного завода. Из-за детренированности за два года сидения в Соловках он стал быстро терять силы и не мог давать нужную выработку, что отражалось на и без того скудном пайке. Однажды в эту группу заключенных пришел кто-то из администрации лагеря и спросил: "Есть тут врачи?!" Александр Александрович отозвался и уже на следующий день был направлен в больницу 3-го лаг-отделения врачом, а несколько позднее переведен в профилакторий для "доходяг" на Медвежьем ручье. Здесь он жил в "собственной" брезентовой палатке, обложенной кубами выпиленного снега, на 40-градусном морозе. В бараке для больных был чугунный камелек, в котором день и ночь тлел уголь.

Как принято в среде заключенных, в каждом вновь прибывшем этапе все начинают искать своих родственников и знакомых. Так и заведующий и одновременно хирург больницы для вольнонаемных, расконвоированный заключенный В.Е. Родионов через какое-то время узнал, что в лагере врачом работает А.А. Баев, его однокашник по Казанскому университету. Он немедленно обратился к начальнику комбината А.П. Завенягину с просьбой прислать в больницу прекрасного терапевта широкого профиля, нужда в которых в Норильске была весьма острой. И вот в начале января 1940 г. А.А. Баев был направлен в больницу для вольнонаемных, где проработал до нашего отъезда из Норильска в 1947 г.

Умикроскопа. Норильск, 1944 г.

Александр Александрович заведовал в больнице терапевтическим, детским и инфекционным отделениями. Последнее находилось в другом конце поселка. Одновременно был анестезиологом или ассистентом при сложных операциях, диетологом и ночным дежурным врачом больницы; организовал рентгеновский кабинет и был при нем рентгенологом, заведовал молочной кухней (с предварительным обучением персонала), занимал должность ответственного секретаря научно-методического бюро при санитарном отделе комбината; читал лекции на медицинские темы по радио для жителей Норильска. Кроме того, устраивал семинары, лекции и консультации для "ленивых" врачей, которые довольствовались полученными в давнее время знаниями и не любили заглядывать в большую и очень хорошую медицинскую библиотеку в самой больнице. Чтобы не носить из лагерной зоны заразы, Александра Александровича поселили в больнице в маленькую каморку с вытяжной трубой из больничной кухни, которая создавала у него иллюзию жарких дней на Волге. К счастью, в больнице были душ и ванна. Слава о враче А.А. Баеве быстро распространилась по всему Норильску. Начальство оценило новое приобретение и дало команду на патронирование семей

высокого начальства. Посыпались благодарности, премии, очаровательная памятная шкатулочка от жены начальника комбината. И как апофеоз — сокращение лагерного срока на три года "за отличную работу и примерное поведение" (как школяру!). Увы, таков был канцелярский стиль... Освободили его от лагеря 22 апреля 1944 г. Но за ним оставалось пятилетнее поражение в правах до 1949 г.² и до конца войны его не должны были отпускать из Норильской больницы. В утешение он получил медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг."

31 мая 1944 г. произошла трагедия с моим пятилетним сыном³, в которой нельзя винить няню: виновница — слепая случайность. Я оказалась с ребенком в детском отделении больницы.

На следующее утро в палату вошел врач А.А. Баев... Я почувствовала — вошла Судьба! Положение сына оказалось безнадежным и на третьи сутки он умер... Александр Александрович занялся необходимыми бумагами, выписал мне бюллетень, подобрал лекарство, я ни на что не реагировала — глаза застилали слезы. Он что-то говорил мне тихим успокаивающим голосом, но я не слышала его, улавливая только интонации. Он вызвал сестру проводить меня до дома. Через неделю я пошла в больницу продлить больничный лист. Как только Александр Александрович зашел в ординаторскую, я заплакала и не потому, что он не смог спасти моего ребенка — я понимала всю безнадежность ситуации, — а потому, что он был свидетелем его смерти. Александр Александрович опять ласково утешал, сочувствовал, уговаривал не сидеть дома, а все время быть на воздухе. Потом, внимательно посмотрев на меня, поднял телефонную трубку и позвонил моему прямому начальнику: «Екатерина Владимировна срочно нуждается в двухнедельной путевке в дом отдыха на "Ламу", если вы хотите, чтобы она скорее вышла на работу». Через два дня мне принесли путевку, и я улетела. Все дни бродила по окрестностям "Ламы" — "Северной Швейцарии", как ее называли, и, вернувшись, приступила к работе.

Была середина июля. Однажды утром около своего дома — двенадцатикомнатного барака — я увидела Александра Александровича, и мы пошли с ним вместе, так как больница и управление были почти рядом, на одной улице. Бывало, что и вечерами он поджидал меня около больницы и провожал до дома. Постепенно мы привыкали друг к другу. Односложные разговоры сменились беседами. Он оказался очень приятным и легким собеседником — живым и остроумным, легко подхватывал любую тему разговора, и голос его — мягкий и негромкий — действовал успокаивающе. Ходил он в лагерном ватнике, кепке, в старых ботинках и довольно поношенном черном костюме. Был уже конец августа, и я как-то спросила: "Александр Александрович, почему вы не закажете себе приличную одежду?" С несвойственным ему в таких делах педантизмом он совершенно серьезно начал перечислять все, что заказал и закончил торжественно — даже фетровую шляпу! Мы оба рассмеялись...

"Между прочим, мы соседи, — сказал он. — Вот за озером двух-

этажный деревянный дом. Как только я освободился из лагеря, мне дали на втором этаже прекрасную комнату, скромно обставленную, но с телефоном."

В середине сентября Александр Александрович попросил разрешения зайти ко мне. Я разрешила. И вот впервые вижу его без камуфляжа (халат-шапочка, ватник-кепочка) и вообще спокойно и прямо его разглядываю. Приятное молоджавое лицо, несколько застенчивая улыбка, замечательно чистые и яркие большие голубые глаза и совсем седая голова... Наши отношения становились все более естественными и непринужденными. Мы стали чаще встречаться: в плохую погоду сидели у меня, в хорошую гуляли и говорили... говорили... говорили: детство, юность, женитьба, его сын, которого Александр Александрович не видел с 1935 по 1947 г. (он был "оккупирован" бывшей женой и отчимом, письма сыну не передавались даже после освобождения отца из лагеря). Я рассказала о гибели моего мужа на фронте в декабре 1941 г., о нашей зимовке на Таймыре, о сыне и пр. и пр. — одним словом, мы узнавали друг друга. Я была очарована его умом, веселостью, иногда мальчишеством, его тактом, добротой и обворожительной улыбкой. Это был необыкновенный по своей природе человек. Я встречала в своей жизни и умных, и красивых, и порядочных, но все же что-то в них настораживало, а в Александре Александровиче все располагало к нему — он обладал редким обаянием.

В сентябре я решила спросить его о 1937 г. Все происшедшее было настолько чудовищным, что от его рассказа меня била дрожь, а он тихим спокойным голосом без видимого волнения начал свой рассказ. "Я работал в 1937 г. старшим научным сотрудником в лаборатории В.А. Энгельгардта и одновременно ученым секретарем Института биохимии АН СССР. 30 апреля 1937 г. ночью меня разбудил незнакомый мужской голос. Мне протянули две бумажки — одну на обыск, другую на арест. Это было столь неожиданно и нелепо, что я даже не успел испугаться и только плачущей маме сказал, что скоро вернусь. Увы, я ее больше никогда не видел. Она умерла в 1938 г. в сырой подвальной комнате, выселенная из квартиры, от воспаления легких", — в глазах блеснули слезы, и он надолго замолк... Я попросила прощения. Потом он продолжил: «Одним из тяжелейших ударов был этот неожиданный арест: стыд, обида, непонимание происходящего, тревога за маму, разрушенные надежды на защиту диссертации и... все же уверенность, что эта ошибка. Обыск, конечно, ничего не дал. Повезли в Бутырскую тюрьму; обитатели камеры показались мне истинными преступниками — одутловатые, заросшие щетиной лица являли страшное зрелище. Скоро и мой вид был схож с их видом. Камера перегружена, арестанты разнокалиберные (много шпаны). Здесь я прошел "краткий курс тюремного университета". Ко мне подсел некто Пятков — администратор Московского автомобильного завода и преподавал урок поведения, за что впоследствии я был ему очень благодарен. Наш разговор:

— Ну, а вас, Александр Александрович, за что посадили?

- Не знаю.
- Анекдоты, небось рассказывали?
- Нет. Анекдоты иногда слушал, но не рассказывал и не запоминаю я их.
- Может быть, высказывали какие-нибудь предосудительные идеи?
- Не высказывал и был далек от политических интересов.
- Возможно, у вас есть какие-нибудь недоброжелатели — могли довести?
- Нет у меня недоброжелателей.
- Вы член партии?
- Беспартийный.
- Кто-нибудь из ваших знакомых был арестован?
- Разве только В.Н. Слепков, в семинаре которого я состоял, будучи аспирантом.

— Ну вот, вас из-за этого и арестовали. Теперь вас обвинят в том, что вы были участником подпольной организации.

Я обиделся и два дня с Пятковым не разговаривал. Он подсел ко мне сам и возобновил разговор, сказав, что он не думает, что я был членом подпольной организации, но, наверняка, именно в этом меня будут обвинять. Пятков рассказал мне, что сейчас происходит, и объяснил, как ведут следствие. Он предостерег меня от подписывания протоколов с признаниями, которые мне будут подсовывать, от наговоров на себя, потому что "тот, кто наговорил на себя, легко оговорит другого или других..."

В заключение Пятков сказал: "Никаких надежд на выход из тюрьмы у меня нет, как нет их ни у кого из сидящих здесь сейчас". Последние его слова были для меня тяжелейшим ударом, и я несколько дней был сам не свой, но затем смирился со своей судьбой — что было делать? Еще раз скажу, что Пяткова я вспоминаю с величайшей благодарностью: он лишил меня иллюзий, но зато укрепил дух. Я решил твердо, что оговаривать себя и других не стану ни при каких обстоятельствах (еще не зная всего набора вымогательств признаний). Потом я получил представление о том, какие трюки применяют следователи. Таким образом, я был уже достаточно подготовлен к жестокому следствию, которое велось в Казанской тюрьме, куда меня вскоре привезли. Все истерические выпады моего следователя Царевского, угрозу пистолетом, вопли, ночные допросы и, наконец, карцер за то, что я не подписал ни одного листа допросов, отвечал односложно: "Да", "Нет", никого не оговорил и не подтвердил его провокационных ловушек, я перенес довольно "легко"... Я ходил к следователю в пальто, в карман которого клал два кусочка сахара, и когда чувствовал, что истощаются физические силы, незаметно подбрасывал в рот сахар. Мое следствие шло тогда, когда дело было фактически закончено, обозначено, и все были уже допрошены — я "опоздал". Это меня в известной степени спасло, так как я был последним "винтиком". Правда, мне устроили одну очную ставку, но это ни к чему не привело. В карцере меня не раздели и оставили даже пальто. После следствия

меня вернули опять в Бутырскую тюрьму. Пяткова, к сожалению, я уже не застал.

Затем перевели в Лефортовскую тюрьму, где был короткий суд, на котором я отрицал все выдвинутые против меня обвинения и повторил, что не подписал ни одного листа сфабрикованных допросов. Однако суд вынес жестокий приговор — 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. Я впал в шок и с этого дня начал сесть... После суда отправили во Владимирскую тюрьму, где формировали этап в Соловецкую тюрьму особого назначения СТОН⁴. Интеллигентная публика была сильно разбавлена урками, которые могли избить, что-либо отобрать или просто своровать, изъяснялись только на своем жаргоне. Мне опять повезло — я сказал, что я врач, и ко мне урки не стали предъявлять никаких требований — в лагерях и тюрьмах уважают врачей. Но общая атмосфера была ужаснейшая. Я старался утешить себя тем, что меня не приговорили к расстрелу, а ведь пятиминутный "суд" мог это спокойно огласить. Так что я пока жив и должен быть этим доволен.

Потом опять этап и в трюме огромной баржи путешествие на Соловки. И вот я — член (без своего согласия на это звание) подпольной террористической организации молодых бухаринцев, возглавляемой В.Н. Слепковым, которая была придумана НКВД как подготовка к процессу над Бухариным, Рыковым и др., чтобы доказать, что названные лица покрыли весь Советский Союз сетью подпольных организаций — "мирно" плыву в Соловецкий лагерь.

В ноябре 1937 г. нас высадили в холодную, ветреную лунную ночь на пустынной каменистый берег, где после приема заместитель начальника лагеря отобрал у нас собственную одежду и выдал тюремную форму.

Кельи Соловецкого монастыря были капитально и добротнo переделаны в небольшие камеры. Эта добротность наводила на мысль, что здесь придется провести все 10 лет... В этой обстановке нужны были моральная стойкость, твердость духа и, по возможности, сохранение физического и, самое главное, психического здоровья. Необходимо избежать воспоминаний о прошлом. Будущее совершенно непредсказуемо. Настоящее утомительно, монотонно и отупляюще. Дни разнообразились только частыми обысками, придирами надзирателей, вызовом кого-нибудь из сокамерников к начальству (меня ни разу не вызывали), баней, лавочкой, выдачей двух книг (по каталогу), тетрадей (на обмен), карандаша и очень редко весточек от мамы в виде маленьких денежных переводов. Общение внутри камеры ограничено из-за боязни доносов, различий в культурном уровне, характерах и личных чертах сокамерников.

Надо было спасти свой разум, духовный мир и интеллект — иначе наступит деградация личности. Я поставил перед собой цель — ежедневная умственная тренировка, в ней все спасение! Для этого я выбрал занятия высшей математикой (решение задач) и иностранными языками: немецким и французским (составлял для себя словари). Один

словарь случайно у меня сохранился. Для души была беллетристика. К великому моему счастью, выбор книг был достаточно широк. Постоянные занятия почти полностью отключали меня от окружающей среды, воспоминаний, дум о будущем. Полное погружение в себя и дело, которым я был занят, делали меня иногда даже счастливым. Это спасало от рутины существования, сохраняло работоспособность мозга и нервную систему на будущее. И так все два года!

Чтение беллетристики я начал с книги об узниках Шлиссельбурга (Алексеевского равелина). Поучительной для меня была судьба Николая Морозова. Больной туберкулезом, он провел в заточении 21 год (!) и выжил благодаря созданию своего замкнутого мира и постоянного умственного труда. Он был освобожден в 47 лет и дожил до 64. Углубившись в работу, я несколько успокоился. Меня не расстреляли, жизнь продолжается, и я становился фаталистом, положившись на судьбу! У меня стал формироваться новый характер. Прочел стихи Уитмэна, "Божественную комедию" Данте, "Сказание о Роланде". "По ком звонит колокол" Хемингуэя, Диккенса, Гюго, много книг на немецком и французском языках и др.

Однажды была дана команда: "Всем покинуть камеру". У меня на миг сверкнула мысль — неужели расстрел? Но это было новое звено, новый поворот в моей жизни — путь в Норильск. Нас погрузили на баржу. Пронесся слух, что еще могут всех утопить, так как такие случаи бывали, когда заключенных вывозили в море и там отправляли на дно, но эта трагедия нас миновала. Вот, кажется, я все Вам рассказал».

Мы долго молчали. Каждый думал о своем. Я поражаюсь силе его воли и характера, целеустремленности и вере в жизнь, и все это на краю гибели в любой момент, а он поставил перед собой цель — выжить наперекор судьбе. А сейчас эта необыкновенная личность, достойная глубокого уважения, сидит спокойно рядом со мной, слегка улыбаясь, — доступный, расторможенный, простой, добрый и ... седой человек.

— Вы знаете, Александр Александрович, сейчас нам надо расстаться. Я так взволнована Вашим рассказом, что не смогу переключиться ни на какую другую тему. Спокойной ночи!

Мне было его очень жалко. И еще я поняла, что спокойствие, с которым все это было рассказано, чисто волевое, так как не может человек в самом расцвете сил и лет с его феноменальными способностями спокойно относиться к своей исковерканной жизни и, может быть, погубленным возможностям.

В конце сентября выдался теплый тихий вечер и мы с Александром Александровичем отправились в дальнюю прогулку. Вернулись поздно. Он, как всегда, проводил меня до дома и пошел к себе. Я открыла свою дверь и обнаружила, что в раме нет стекол, а в комнате пустота! Кинулась догонять Александра Александровича, он уже поднимался на крыльцо своего дома.

— Александр Александрович, меня обокрали!

— Неужели?! Ну, пошли к Вам.

Он прежде всего заткнул ватником дыру в раме.

— Вот видите, и ватник пригодился!

Сходил за углем, растопил плиту, и мы стали отогреваться пустым кипятком из поллитровых банок (посуда тоже вся исчезла). Потом сделали ревизию. Что было украдено, перечислять долго, а вот что осталось: в шкафу — старые туфли с галошами (ходить за углем) и зонтик; на плите — одна маленькая кастрюлька; в тазу — замоченная для стирки скатерть; постель со снятым бельем. Я осталась в босоножках, легком платье и шерстяной кофточке. Из пропавших вещей мне больше всего жаль чемодана с одеждой, игрушками и книжками сына, с множеством наших фотографий, сделанных на зимовке, письмами, документами — "разбойнички" все это предали огню. На следующее утро Александр Александрович прислал ко мне больничного плотника, который застеклил окно. Я подала заявление в Уголовный розыск (начальник Пугач — много говорящая фамилия!) и позвонила в отдел снабжения о необходимости помочь мне с экипировкой. Велика была моя подавленность после череды трагедий, которые с 1941 г., обрушивались на меня... И если бы не моральная поддержка Александра Александровича... Я уже думала, что теперь надо убить себя и на этом все беды кончатся... Через три дня пошел снег с дождем и подул северный ветер. Я с ужасом думала, как мне добираться на работу. Выхожу на крыльцо и вижу "кабриолет" на рессорах и с поднятым верхом, а около стоит Александр Александрович с вожжами в руках.

— Екатерина Владимировна, садитесь!

Так Александр Александрович и возил меня 5 дней на работу и с работы в этом "парадном" больничном экипаже, пока отдел снабжения меня не одел. Как Александр Александрович договорился с заведующим больницей, я никогда его не спрашивала, но только он имел очень довольный и гордый вид, а я готова была провалиться сквозь землю! Усилия Пугача ни к чему не приводили, пока я сама совершенно случайно не потянула за ниточку, после чего Пугач развил бурную деятельность и ко мне вернулась незначительная часть вещей. Оказалось, что все украденное находилось в доме напротив Уголовного розыска (лучшее место хранения!) у главаря шайки, который, будучи заслуженным машинистом, отвозил все в Дудинку и там продавал.

В середине ноября я с Александром Александровичем сидела в пустой комнате по уже установившейся привычке у топящейся плиты, когда он совершенно неожиданно объяснился и сделал мне предложение, начав его с шутки: «Поскольку мы с вами сравнялись в "богатстве", мне не зазорно говорить с вами об этом, а то я чувствовал себя нищим студентом». Настроение у меня было кислое, тема разговора внезапна, и я пустилась в рассуждения: «Я благодарна и дорожу вашим расположением, но не играет ли свою роль во всем, что вы высказали, эйфория вашего недавнего освобождения? Не ошибаетесь ли вы в своих чувствах и в своем выборе? Мы с вами не двадцатилетние и нужно быть осмотрительными, чтобы не наделать непоправимых ошибок. Я чувствую себя перед вами "приготовишкой". Вы интеллектуал,

эрудит, слава о вас гремит по всему Норильску, больные и выздоравливающие не устают вас благодарить — это ваш счастливый мир. Диапазон ваших познаний, интересов не только профессиональных, но в любой области, какую ни затронешь, необычайно широк. Вы всегда исчерпывающе осведомлены, обладаете уникальной памятью, уж я не говорю о вас как о враче. Что я по сравнению с вами? Простая служащая и "приземленная" женщина, которая не может блеснуть перед вами своими достоинствами. Вам нужна женщина-эрудит. Боюсь, что наш союз будет "зоологическим" — лебедь и черепаха. Моя роль в вашей жизни всегда будет очень скромной, а наш союз для меня ущербным».

В ответ получила отповедь в той же тональности: "Мне доставляет радость общение с вами, и это никакая не эйфория! Зачем вы унижаете себя, отказываясь от своих достоинств?! Ваши интеллигентность, начитанность, чувство собственного достоинства, сердечность, доброта, отзывчивость, уважение окружающих, даже начальства, что видно по тем премиям и поощрениям, которые на вас сыплются как из рога изобилия, вы ни в чем никогда не встречаете отказа, ваши внешность и манера поведения достойны подражания, — все это присуще только вам. Вы стали для меня действительно дорогим и близким человеком, и я бы хотел пройти свой жизненный путь именно с вами, опираясь на руку друг друга. Или я в чем-то ошибаюсь?! А что касается интеллекта, то и вас Бог не обидел, но жена-интеллектуалка — сохрани и помилуй! — не всегда хорошая жена.

Что касается популярности и благодарности — это приятные моменты в жизни, но не главные. И вы не очень скромничайте. Ваш приезд в Норильск был замечен; говорят о людях, которые за вами ухаживают, а еще говорят, что вы гордячка, недотрога, перебора. Так что же говорить о моей профессиональной популярности после этого? Давайте не будем больше заниматься моралью. Мое чувство к вам искренно и честно, будьте и вы так же честны и искренни. И не завидуйте моей популярности! Чем бы я ни занимался, как бы меня ни хвалили, для меня самым главным и дорогим в жизни будете вы и семья. Да, за нашими спинами много горя и тягот, в этом вы правы, но тем крепче должен быть наш союз. Я сейчас уже не могу думать только о себе, простите, но я думаю о нас обоих..."

Я, конечно, немного слукавила. Он же не мог не видеть, что каждая встреча с ним для меня праздник, что я давно уже была очарована им. Одним словом, я полюбила его...

— Александр Александрович, закончим на этом наш разговор. Я думаю, что мы сегодня очень серьезно и о многом поговорили. Дайте мне возможность все осмыслить. Спокойной ночи!

20 декабря 1944 г. я переехала к Александру Александровичу.

И вот судьба привела меня к дороге, по которой я полстолетия шла с любимым и любящим человеком, человеком редкого таланта, силы воли, мужества, благородства и верности. Путь наш был труден, но мы не разжали своих рук на этом долгом пути. Благодарю свою судьбу за

этот подарок! Но почему мы не ушли из этой жизни вместе?! Что теперь может ждать меня, кроме глубокой тоски?!

Перед новым 1945 г. Александр Александрович показал мне полученное от Владимира Александровича Энгельгардта очень теплое письмо, в котором он поздравлял Александра Александровича с досрочным освобождением из лагеря и между прочим спрашивал, как он относится к своему возвращению к научной деятельности? Кстати, у Владимира Александровича сохранился экземпляр кандидатской диссертации Александра Александровича, которую он написал в 1937 г. В.А. Энгельгардт считал, что если ее "освежить", то она вполне сохранит свою актуальность. В этом Владимир Александрович был готов ему помочь, а после защиты мог бы предоставить Александру Александровичу работу в Ленинградской лаборатории в Институте физиологии им. Павлова, где директором был академик Л.А. Орбели.

"Как ты на все это смотришь?" — спросил меня Александр Александрович. Мое сердце сжалось от тревожного предчувствия, но я уже отдала себя "на заклятие"! "Прежде всего, тебе нельзя жить в Ленинграде и Москве и вообще в столицах с твоим поражением в правах в течение 5 лет. И комбинат тебя не отпустит: с такими специалистами, как ты, легко не расстаются". — "Но в принципе?" — И, понизив голос, добавил: "Катенька, я не могу жить без научной работы..."

Пока я читала письмо Владимира Александровича Энгельгардта, я чувствовала, что Александр Александрович пристально следит за выражением моего лица, а когда я взглянула на него, то мне стало ясно, что наука — это его страсть, мечта и тот водораздел, который рано или поздно образуется между ним и семьей, но возражать ему бесчеловечно и жестоко...

Ответ его Владимиру Александровичу был чрезвычайно взволнованным, в тоне бурного ликования. Если бы возможно было осуществить предполагаемый замысел, то для него это подобно возвращению в Эдем! Все письмо сопровождалось многочисленными "Да!" и столь же многочисленными восклицательными знаками.

Все вечера Александр Александрович стал просиживать за ранее начатыми работами в области медицины, как бы готовясь к отъезду.

Это были работы:

- 1) "К вопросу о болезни крови на Крайнем Севере" (статья и доклад на конференции врачей в больнице комбината), 1945 г.;
- 2) "Справочник по питанию грудных младенцев" (издан и читался по 15 минут ежедневно по радио), 1945 г.;
- 3) "Электрические явления в атмосфере, в частности ионы" (доклад для врачей по метеорологическим данным по Норильску и "Ламе"), 1945 г.;
- 4) "Радиационные ресурсы Норильска" (доклад на конференции врачей), 1946 г.;
- 5) "О медицинском отборе кадров для работы на Крайнем Севере в связи с климатическим фактором" (совместно с доктором З.И. Розенблюмом). Издан в 1945 г.

Началось лето 1945 г. На июнь и июль Александр Александрович оформился врачом на "Ламу", а у меня был очередной отпуск, и месяц я взяла за свой счет (я ждала сына). Каким вниманием, любовью и заботой окружил меня Александр Александрович. Это была не жизнь, а "Песня песней"! Лето было замечательное, природа для Крайнего Севера сказочная: настоящий лес, огромное чистое озеро (правда, ледяное), окруженное невысокими, причудливой формы горами, грибы, масса брусники, абсолютно чистый воздух и рядом любимый и любящий человек.

15 августа 1945 г. у нас в Норильске родился сын Алеша. Александр Александрович был горд и счастлив. Он гулял с малышом, помогал мне возиться с ним, вставал к нему ночью и учил меня готовить смеси для прикорма. Нам дали двухкомнатную квартиру в новом доме.

Получили письмо от Владимира Александровича, в котором он писал, что «готов помочь Александру Александровичу в деле "освежения" диссертации и в получении разрешения на его поездку в Ленинград для защиты диссертации у академика Л.А. Орбели, и в устройстве на работу в свою ленинградскую лабораторию». Надо только, чтобы Александр Александрович информировал его о своем согласии и как за это дело взяться. Александр Александрович просил вызволить его из системы НКВД и добиться увольнения с Норильского комбината. Легко сказать! Первое, как потом выяснилось, было просто неразрешимо; второе встречало большое сопротивление начальника комбината Панюкова. Александр Александрович после каждого письма Владимира Александровича жил в состоянии лихорадочного ожидания. А я все время старалась несколько охладить его: — "Не надейся, что это скоро и благополучно разрешится. Поставь в известность В.А. Энгельгардта, что хлопоты эти весьма длительны и неприятны и могут быть даже опасными для него. Пусть он взвесит сначала свои силы, время и возможности, ведь эта затея похожа на пробивание лбом стены". Но мало кто в такой ситуации внемлет голосу рассудка!

К тому же Александр Александрович не сообщил, что по решению Военной Коллегии он имеет еще 5 лет поражения в правах и что ему нельзя проживать в сотне городов, надеясь, очевидно, что медаль и досрочное освобождение из лагеря автоматически снимут и поражение в правах. Военная Коллегия, если в нее обратиться, может только добавить, а не убавить срок, и с ней иметь дело так же опасно, как засовывать голову в пасть крокодила. Но А.А. Баев ко мне не прислушивался. Переписку с Владимиром Александровичем перестал показывать, чтобы не волновать, и парил в своих радужных надеждах и мечтах.

Между тем В.А. Энгельгардт стал пробивать для Александра Александровича разрешение на поездку в Москву — "для переговоров о будущей работе". В действительности имелась в виду работа над диссертацией. На эту поездку сроком в один месяц надо было получить разрешение начальника комбината. Прошения, разъяснения, телефонные разговоры, когда начальник комбината приезжал в Москву на

*Жена с сыном. Норильск, 1946 г.
Фото А.А. Баева*

очередной съезд⁵, — все это делал В.А. Энгельгардт, и только в сентябре 1946 г. было получено милостивое разрешение на поездку в Москву на 1 месяц. Александр Александрович немедленно выехал.

С присущей Владимиру Александровичу добротой и заботой была подобрана вся нужная для работы литература, оставлены в полное распоряжение А.А. Баева домашний кабинет и домработница, которая его кормила, а сам Энгельгардт со всей семьей уехал в отпуск. Через месяц диссертация была "освежена" — учитель и ученик остались довольны!

Таким образом, для получения разрешения на поездку А.А. Баева на 1 месяц в Москву ушло целых полтора года. Начальник комбината должен был получить на этот вояж разрешение соответствующих органов. В свою очередь В.А. Энгельгардт посылал свои прошения в МГБ СССР⁶ и непрестанно информировал А.А. Баева телеграммами о том, как идут дела. Сколько же сил, нервов и времени отняла эта затея у Владимира Александровича!

Александр Александрович писал В.А. Энгельгардту, что он боится за него, так как столь долгие и настойчивые хлопоты могут окончиться большими неприятностями для Владимира Александровича, не говоря уже о затрате сил и времени при его огромной занятости. На это письмо В.А. Энгельгардт не ответил.

А между тем 7 февраля 1947 г. у нас появилась на свет дочка — Татьяна. Александр Александрович, очевидно, взвесив все сложности задуманного плана, учитывая появление двух маленьких детей, полное благоустройство в Норильске, пишет В.А. Энгельгардту второе письмо с отказом: "Мне вряд ли стоит рисковать своим упроченным положением в Норильске. Мы получили хорошую двухкомнатную квартиру в новом доме, работа врача и рентгенолога дает мне полное удовлетворение, и я не уверен в своих силах и способностях плодотворно трудиться на ниве науки после столь долгого перерыва. Пусть все остается так, как уже сложилось. И Вам, Владимир Александрович, не надо больше тратить силы и время на пустые хлопоты..."

Я не знаю, успел ли В.А. Энгельгардт получить это письмо и была ли его телеграмма ответом на него или это простое совпадение, но в ней было следующее: "Защита 6 июля 1947 г. [в] Институте им. Павлова. Все согласовано". К этому времени появилось какое-то правительственное постановление о более широком доступе работников науки к защите диссертаций и работе по специальности⁷.

А между тем у В.А. Энгельгардта не было передышки в хлопотах о делах Александра Александровича. Обращение к Л.А. Орбели с просьбой провести защиту в его институте, подыскание оппонентов — согласились С.Е. Северин и Е.М. Крепе — обращение в НКВД СССР за разрешением Баеву работать в Ленинграде и одновременно переговоры с Панюковым, чтобы он отпустил его на две недели в Ленинград для защиты диссертации.

К хлопотам о разрешении Александру Александровичу работать в Ленинграде по доброй воле подключился и академик Л.А. Орбели, как он сказал, "для веса". Он обращался в НКВД два раза лично и три раза вместе с В.А. Энгельгардтом (один раз даже непосредственно к Берии). А Владимир Александрович с начала 1945 по 1947 г. *подавал 18 ходатайств и просьб* в различные инстанции (!!!), опасные и неприятные для него. Настойчивости, энергии и храбрости В.А. Энгельгардта можно только поражаться, особенно учитывая, что в это время он был очень занят, так как работал одновременно в Москве и Ленинграде. Но от НКВД пришел отказ. И тогда Владимир Александрович вспомнил о своей работе во время эвакуации на базе Академии наук во Фрунзе,

где у него сложились дружеские отношения с руководством и, заручившись поддержкой академика К.И. Скрябина, он едет во Фрунзе, организывает там маленькую лабораторию с двумя сотрудницами и с вакантным местом для руководителя — А.А. Баева. Все было окончательно договорено!

От начальника Норильского комбината по согласованию с Москвой Александр Александрович получает разрешение на поездку на 10 дней в Ленинград для защиты диссертации.

Естественно, что от защиты Александр Александрович при всех обстоятельствах не мог отказаться и не имел права отказываться от работы во Фрунзе, зная о том, чего это стоило Владимиру Александровичу Энгельгардту. После защиты, которая прошла очень хорошо, В.А. Энгельгардт сообщил А.А. Баеву, что во Фрунзе надо перебираться немедленно, так как промедление может быть чревато неожиданными.

Из Ленинграда Александр Александрович вернулся в угнетенном состоянии. Добился разрешения на отъезд из Норильска, чем доставил большое неудовольствие Панюкову, Родионову и вызвал огромное сожаление у тех, кто у него лечился. Через несколько дней он сказал мне, что мы должны уехать во Фрунзе с последним пароходом.

Я онемела... А у Александра Александровича уже начал меняться характер — он все больше углублялся в себя. И хотя был рад рождению дочки, но уже не уделял ей много внимания и только иногда в перерывах в своей вечерней работе брал ее на руки и ходил с ней по квартире, мурлыкая какие-то песенки. Понятно, что его одолевали мысли о будущей работе и о будущем нашей большой семьи, обо всех тяготах, которые лягут на наши плечи и на плечи бедного Владимира Александровича. Сложившиеся обстоятельства вселяли большую тревогу.

Мы молчали несколько дней. Наконец, Александр Александрович заговорил: "Раз я не смог отказаться от перспективы возврата к науке и ты меня поддержала, то теперь я, а следовательно, и ты обязаны оценить и отблагодарить Владимира Александровича Энгельгардта за его титанический труд в течение двух с половиной лет. Я своей самоотверженной работой должен доказать, что он не ошибся во мне. Кроме того, другой возможности вырваться из Норильска без такой большой поддержки, какую нам оказывает Владимир Александрович, у нас никогда не будет. Я понимаю, что для детей и тебя это очень тяжелая операция. Но пойми и меня! Я не могу отплатить Владимиру Александровичу Энгельгардту черной неблагодарностью за все, что он сделал для меня, а, следовательно, и для нашей семьи. Я должен честно сказать тебе, что мне больно расстаться с мечтой о возвращении к исследовательской работе, к которой я предназначен самой природой... Не горюй, не тревожься! Я надеюсь, что все окончится благополучно!.."

Сыну 2 года и 2 месяца, дочке 7 месяцев — все бросить, лишиться крова, сменить в одночасье Заполярье на крайний юг, проделав при этом путь в 5 тысяч километров и начинать все сначала. Боже! Дай

здоровья детям и силы мне! Все это похоже на кошмарный сон... Вот она судьба! Если бы я тогда знала, что это только начало горьких испытаний, могла ли бы я что-нибудь изменить? Нет! Любовь и горе на всех поровну!..

Последний морской пароход придет в Дудинку около 10 октября, а в сентябре 1947 г. оба ребенка заболевают тяжелой формой дизентерии. Александр Александрович находился один в комнате с детьми, а я обслуживала их через щель в двери, без конца все мою хлоркой, чтобы не свалиться самой. Понемногу собираюсь: что можно, продаю, занимаю на дорогу деньги, так как две поездки Александра Александровича в Москву и Ленинград съели наши сбережения. Я с 1946 г. не работала, а он уволился через месяц после защиты. Слышу, Александр Александрович по телефону кого-то просит найти женщину, которая за наш счет помогла бы нам добраться до Москвы, по телеграфу Александр Александрович договаривается с братом о том, чтобы занять на короткое время его квартиру в Москве (они всей семьей уезжают в советскую оккупационную зону в Германии).

Сын почти поправился, но парализованы ножки, а дочка была в очень тяжелом состоянии (на искусственном вскармливании). Я достала в дорогу для детей: рис, сгущенное молоко с сахаром, три банки отечественной мясной тушенки и несколько пакетиков сухой черники. 5 октября 1947 г. выезжаем из Норильска.

Первое "путешествие" по Союзу

Наш путь Норильск—Дудинка (ночь, 120 км по узкоколейке); 4 дня в продуваемой штормовым ветром гостинице в Дудинке; посадка в шторм на грузовой морской пароход (последний в эту навигацию); 5-метровая каюта судового механика (за дополнительную плату); военно-морская база в 100 км от Мурманска: далее открытой грузовой машиной в Мурманск (город на военном положении!); через 10 дней поездом в Москву.

Ночью до Дудинки почти умирающую доченьку я и спутница везли на большой подушке, держа ее за 4 угла на весу. В Дудинке жизнь в ребенке чуть теплится... "Дочку мы потеряем", — говорит мне бледный от горя и чувства вины Александр Александрович... О, Боже!

Шторм на Енисее продолжается. Приходит пароход. Посадка с причала. Когда лодку поднимает волна, бросаем в руки матросов детей, таким же образом перебираемся на пароход и мы (и 8 мест багажа). В каюте механика располагаемся так: дети "валетом" на импровизированном комод-кровати, я и Александр Александрович на узкой скамье под иллюминатором — чтобы не упасть, он держится рукой за стойку, а я фиксирую свое положение, упираясь головой в привинченный к полу столик (из иллюминатора на меня временами капает вода), наша спутница на железном полу. Качка! Пищу детям варю на камбузе. Сами питаемся сухарями и кипятком. Пеленки стирают спутница или Александр Александрович. Я сушу их на перилах машинного отделения под вопли механиков. При выходе из Енисейского

залива на 3-й день дочка ожила!!! Рацион: рисовый отвар на разведенном сгущенном молоке, бульон из мясной тушенки и отвар сухой черники... В Баренцевом море ужасная качка, меня все больше поливает из иллюминатора, холодно, но снимает дурноту. Спутница готовит и кормит детей, Александр Александрович стирает и сушит пеленки. Пришвартовываемся на военной базе. Боюсь за Александра Александровича с его паспортом.

Ветер, изморось, открытый грузовик. Мурманск. Я с детьми и попутчицей устраиваюсь в гостинице. Александр Александрович до вечера гуляет и прокрадывается в номер, когда дежурная идет пить чай. Что он делает днем, что ест, я даже не спрашиваю. В ресторане вся еда готовится на рыбьем жире и весь город пропах им — есть невозможно. Детей кормлю размоченными в кипятке белыми сухариками с добавлением сгущенного молока, мы со спутницей пьем кипяток и едим черный хлеб с базара. Чем питается Александр Александрович, неизвестно. На третий день не выдерживаю и иду по шпалам искать пристанище. Снимаю 3 кв. м чистого пола в маленькой будочке железнодорожной рабочей. Устраиваю общее "лежбище" и собираю до кучи все семейство. Хозяйка покупает на рынке черный хлеб, я покупаю у браконьера морского окуня длиной с 7-летнего ребенка. Теперь мы все сыты и довольны — пьем юшку (рыбный отвар) и едим отварного окуня, у детей еще есть белые сухарики.

Когда мы приехали в Мурманск, я осталась сдавать багаж, а Александр Александрович ушел с Алешенькой прогуляться. Дочка, закутанная в одеяло, с замотанной шалью головенкой, осталась у меня на руках. Пока мы ждали своей очереди, у меня стали "отваливаться" руки и заболела спина. Я решила облокотиться на предполагаемые за мной перила и ухнула с ребенком в какой-то грязный пресочно-каменистый ручей, пролетев не менее двух метров, при приземлении воткнулась каблучками в илистый песок и выронила дитя личиком прямо в эту грязь. Добрые люди вытащили ребенка, отшпилили мои каблучки из грунта, подняли меня наверх и... о, ужас! Все личико дочки, ротик, глазки набиты песком, мордашка исцарапана и, как потом оказалось в синяках. У меня была трехлитровая бутылка с кипяченой водой, общими усилиями стали ее прополаскивать, но она не хныкала. Когда вернулись отец с сыном, то перед ними была несколько смущенная девица вся в синяках. Отец хотел выразить мне свое возмущение, но удержался (не надо было оставлять на меня сдачу багажа с ребенком на руках в придачу). Через неделю следов на личике не осталось, а воды мыльной (из прачечной!) она, видимо, не успела наглотаться. И это после дизентерии! Но Бог милостив!

Мне предстояло купить материал и заново обшить тот багаж, который потерялся во время качки. Через неделю мы сели в поезд. С нами ехало много демобилизованных моряков. Соскучившись по дому и родным, узрев веселенькую мордашку дочки, они выклянчили ее у нас и целые дни развлекали друг друга. А сын что-то плохо себя чувствует, капризничает.

Москва. Нас никто не встречает. Энгельгардты в отпуске, "своим" я не сообщала. Ключ от квартиры Володи Баева оставлен у соседки. Крошечная квартирка в аварийном доме. Обои заплесневели и висят лоскутами, голландка не топится, на кухне в потолке дыры — видно небо и падают осадки. Но на столе записка от Владимира Александровича и оплаченный абонемент в Дом ученых на обеды и ужины. Попутчицу пока не отпускаем, так как я ежедневно от Спасских казарм езжу на Кропоткинскую, выстаиваю там очередь за едой и пешком, метро и автобусом добираюсь обратно. Живем так: дети и я на тахте, заставленной со всех сторон стульями, Александр Александрович на стульях около тахты, попутчица на сундучке. Днем она гуляет во дворе с ребятами и не устает громким голосом рассказывать историю жизни доктора начиная с 1937 г., а он во избежание неприятностей из-за своего паспорта уходит из дома очень рано и возвращается затемно.

Вернулись Энгельгардты. Александр Александрович едет во Фрунзе оформляться и подыскивать жилье. Там он терпит полное фиаско. Заместитель заведующего базой кисло перелистывает паспорт А.А. Баева и говорит, что "надо посоветоваться" (что он и не думал делать!). Тут сыграла роль национальная жилка: Баев — типичный русак, приятной внешности, с очень хорошей характеристикой, за спиной в Москве академики В.А. Энгельгардт и К.И. Скрябин, готовые всячески помогать; Александра Александровича характеризуют как умницу и энергичного человека, да еще пишут, что ему нужна квартира, так как у него большая семья. Иными словами — зачем им нужна такая "головная боль", что у них, мало своих?! Когда Александр Александрович зашел к сотруднику из русских, но уже давно "притершихся", кстати, претендующему на место, которое В.А. Энгельгардт готовил для А.А. Баева, то эта личность спросила его:—"А что Вам, собственно говоря, надо?! Начальник советовался, и Вам отказали".

Одним словом, Александр Александрович задержался на несколько дней во Фрунзе, пока пережил свое поражение. Мне он подробностей не сообщал, а В.А. Энгельгардту написал. Вот тут Владимир Александрович окончательно понял, что поражение в правах непробиваемо. Он составил себе список из 18 баз и филиалов АН СССР⁸ и с неистовой энергией обзванивал, телеграфировал, посылал знакомым научным сотрудникам письма с запросами о реальной возможности устройства на работу А.А. Баева и возможности разрешить квартирный вопрос. Одновременно он не отказал себе в удовольствии высказать возмущение лицемерием заместителя начальника Киргизской базы АН, который заверял его, что все будет оформлено и сделано самым лучшим образом. В.А. Энгельгардт назвал этот обман возмутительным и оскорбительным для себя, посетовав на свою доверчивость, и трагическим для А.А. Баева, который, поверив в договоренность и данное слово, уволился с работы, бросил новую двухкомнатную квартиру и пустился с двумя маленькими детьми в путь за 5 тыс. км и т.д. и т.п. Но, что Бог ни делает, все к лучшему: там вскоре стали активно вытеснять русских.

Все многочисленные поиски места работы Александра Александровича отпадали по тем или иным причинам. Подсказал ли кто-нибудь В.А. Энгельгардту Коми базу АН СССР или он сам ее нашел (в списке 18 ее не было), но вот тут ждала удача. Сказали, что примут и в ближайшее время обеспечат жильем. А.А. Баев опять поехал один. Так как Сыктывкар и вообще республика Коми являлись местом ссылки, то встретили его приветливо, назначили заведующим лабораторией, выдали аванс за 1 месяц — 3000 руб. и "подъемные" — 3000 руб. Квартиру обещали к приезду всей семьи. Александр Александрович возвращается за нами в Москву. От Володи Баева пришла телеграмма, чтобы Александр Александрович забрал всю свою обстановку, которой Володя пользовался с 1937 г. Опять должна была включиться я. Каждая вещь, отправляемая багажом, должна быть в деревянном "футляре". Доски, мастерская, мастера, которым я должна была дать размеры всех "футляров". Так как я никогда таким делом не занималась, то в двух случаях допустила ошибку. Наконец, все было готово к отъезду. Вещей очень много. (Еще добавили Владимир Александрович и Милица Николаевна две большие коробки с продуктами и вещами для детей.) 27 декабря 1947 г. мы тронулись в путь. Провожали нас Энгельгардты.

Теперь просто необходимо сказать о тех безумных тратах, которые взяли на себя Энгельгардты (конечно, в ущерб своей семье). В Москве нам были оплачены два месячных абонеента на питание из Дома ученых, поездки Александра Александровича во Фрунзе и в Сыктывкар, отправка в Сыктывкар всей мебели и переезд туда всей семьи. И это только начало. Может быть, не совсем этично, что я все это перечисляю, но и забыть о такой огромной помощи просто бессовестно! Это не только бескорыстие — это фактическое включение нашей семьи в семью Энгельгардтов.

Чета Энгельгардтов в своей доброте, внимании, бескорыстии, отзывчивости, трате сил, времени, физической и нервной энергии, в материальной помощи с 1945 по 1954 г. в ущерб себе была уникальной. Делалось все это ради облегчения жизни талантливого ученика, попавшего в мясорубку жестокой эпохи. В их поведении было столько такта, что пропадало чувство неловкости, а в душах наших оставалось нетленное чувство благодарности и благоговения! Благодарить их за каждый шаг и жест было бы назойливостью, да и где найти столько слов для выражения благодарности?!

Второе "путешествие" по Союзу

Наш путь Москва—Княж-Погост (поездом); 100 км через тайгу в открытой грузовой машине до Сыктывкара.

Первый сюрприз — подъезжая к Княж-Погосту, слышим по радио о девальвации денег, и наши 6000 р. превратились в 600 р. Поезд прибыл на станцию в час ночи. Вокзал метров за 200 чуть светлеет сквозь пургу. К счастью, около нашего вагона был электрический столб. Мороз -20° С. С нами в вагоне приехала девушка из Коми базы, у нее 12 ящиков оборудования, примерно таков же и наш груз. Поезд ушел,

городок без огней. Александр Александрович берет на руки сонных ребят, девушка идет с ним, а меня оставляют стеречь весь багаж. Вокруг никого, метет метель. Александр Александрович переносит в здание вокзала все привезенное имущество — и наше, и казенное. В последний маршрут иду с ним на вокзал и я, там холодно, как в морге, — дети посинели от холода. Узнаем, что в Княж-Погосте есть Дом приезжих. Александр Александрович в крошечной тьме отправляется его искать. Ура! На окне зажженная керосиновая лампа — нашел! Берет у служительницы дровяные сани и мчится на вокзал. Укладываем детей в эти сани, я сопровождающая. Александр Александрович возвращается за багажом, который караулит девушка. Дом приезжих оказался маленьким, но чистым и теплым. Очень добрая и сердечная женщина расшуровала плиту, мы напоили детей сладким кипятком, потом сдвинули вместе две кровати, набросали на них матрацы, подушки и закрыли детей четырьмя одеялами. В комнате чисто, тепло, тихо — как в рай попали. Александр Александрович делает еще пять ездов, забирает девицу, и под утро, наконец, мы все вместе.

Через двое суток приходит огромный грузовик геологов, весь забитый ящиками. Начальник партии, здоровый мужик в меховой шубе, сидит в кабине шофера. Он, очевидно, догадался, какого "сословия" эти путешественники, и ни на минуту не вышел из кабины. Шофер с великим трудом разместил наш багаж, а для детей сделал узенькую траншею по длине кабины, и в эту щель мы почти бутербродом уложили детей, закидав сверху одеялами. Сами ехали в демисезонных пальто на борту машины. Мороз все тот же -20°C , пурга продолжается. Пока машина едет, дети молчат, я только смотрю, не задохнулись ли, а как останавливается, они начинают кричать. Татьянке 11 месяцев, Алеше 2 года 5 месяцев.

Приехали в Сыктывкар в выходной. Нас никто не встречал. Поселились в гостинице на третьем этаже вместе с крысами, три ночи я их гоняла нашей обувью. У меня началось воспаление легких. Александру Александровичу удается переменить номер, а сотрудники филиала нашли милую девушку из ссыльных немцев для помощи мне. Дети "гуляют" в каре из чемоданов и коробок, я с температурой ношусь по гостинице: туалет за 100 м, плита на четвертом этаже, стирка на втором этаже, живем мы на третьем этаже. Так мы жили 8 месяцев.

Наконец, дают замечательную квартиру на втором этаже деревянного дома солнечную, с балконом, две комнаты и кухня. Вся беда в том, что она бревенчатая, кое-как заткнутая мхом и голландка дымит безбожно. Это моя первоначальная забота — три раза рабочие ее ремонтируют. Потом Александр Александрович достает dranku, и вечерами мы с ним обиваем всю квартиру. Снова моя "самодетельность": штукатуры, трафареты, побелка. Мы все еще спим вповалку на полу. Наконец, приходит из Москвы наша мебель! Александр Александрович два дня на большой грузовой машине ездит за ней куда-то далеко. Все и всё на месте: кухня-столовая (большая), кабинет и детская. Все в порядке, жизнь налажена в самом конце ноября 1948 г.

С продовольствием в магазинах плоховато, рынок дорогой, дрова еще дороже, но жить можно. Кормим прилично детей и подкармливаем кормильца (первое блюдо калорийное с кусочком мяса, второе — детям каша с молоком и сахарным песком, сами пустую кашу с песком или с сильно "анчоусной" красной рыбой; бывает разнообразие — картофель во всех видах). От Владимира Александровича Энгельгардта приходит книга для срочного перевода — Э. Болдуин "Основы динамической химии". Александр Александрович переводит, я с голоса печатаю на машинке. Работаем по 16 часов в сутки до полного изнеможения (весь дом на няне — Миле). Перевод сделали за 16 дней! В январе получили первый гонорар. Кончается благополучно 1948 г.

С первого же дня приезда в Сыктывкар Александр Александрович начал организовывать и оснащать лабораторию, приводить в порядок библиотеку. Устраивал семинары и лекции, писал статейки в местную газету (это дома вечерами), ездил в колхоз на субботники. С детьми проводил не более 10-15 минут в воскресные дни. Радио у нас не было, газет мы не получали. В Норильске Александр Александрович изредка просматривал газеты, но в основном читал медицинскую литературу. Из Москвы в 1946 г. он захватил в Норильск много иностранных журналов, а в Сыктывкаре, приводя в порядок наваленные горами книги в библиотеке филиала, отбирал для себя интересующие его — по физике, химии, биологии и философии. Беллетристика, привезенная из Москвы, немного использовалась мною для переложения детям. В филиале Александр Александрович успел сделать два доклада "Современная физика — попытка анализа некоторых течений с точки зрения материалистической диалектики" и "Отношение физики и химии к биологии". Много времени у него занимали раздумья о работе. Его перевод книги Болдуина был напечатан без фамилии переводчика (В.А. Энгельгардт проявил осторожность, так как Александр Александрович все еще ходил в "пораженцах").

Начался 1949 г. По городу пронесся слух, что идут повальные аресты тех, кто по политическим статьям отсидел уже 10 лет в лагерях. Я встревожилась, рассказала об этом Александру Александровичу.

— Глупости! Не волнуйся, со мной ничего не случится. Я имею кандидатское звание, я уже заслужил уважение, работаю в системе АН СССР, приехал сюда добровольно. Нет оснований предъявлять ко мне претензии.

Однако... 23 февраля 1949 г. в 12 часов ночи Александра Александровича арестовали. Обыск длился до 5 часов утра. Взяли наброски рабочих черновиков, чистовики к семинарам, рецензии, письма, две библиотечные книги на английском языке, кое-какие документы. Одним словом, наскребли "компромата" меньше, чем на половину мешка, с которыми они ходят при исполнении своих обязанностей.

Во время обыска Александр Александрович совершенно спокойно сидел на диване, только слегка порозовел и голос из мягкого стал жестким. Когда его уводили, дети спали. Меня он поцеловал, не поднимая глаз, и ничего не сказал — во всем его поведении был автоматизм и

предельная собранность. Я, столкнувшись с такой ситуацией впервые, была в прострации. Да и что можно было сказать, когда в один миг рушилось все... Когда за ним закрылась дверь, произвольно потекли слезы. Надо было быстро привести все в порядок, чтобы не испугать утром детей. Им я объяснила, что папа срочно уехал в командировку. Няня от нас ушла на следующий день — она была из семьи ссыльных немцев и боялась за себя и свою родню.

Прежде всего я дала телеграмму Владимиру Александровичу Энгельгардту: "Саша заболел". В ответ пришел перевод на 2000 руб. Через некоторое время письмо: "Катя, держитесь обеими руками за квартиру". Кинулась устраивать ребят в ясли и детский сад — везде отказ — все заполнено. Стала искать работу — отказывают как жене "враганарода". Потом стала сочинять письмо на имя Абакумова, министра госбезопасности, но решила его отправить через кремлевскую приемную в Москве и добиться личного свидания с А.П. Завенягиным — заместителем Берии. Он строил Норильский комбинат и заведовал Норильским лагерем, хорошо знал Александра Александровича как врача и очень хорошо к нему относился. До моего приезда в Норильск он был отозван в Москву, и его сменил Панюков. 27 апреля, уговорив няню побыть три дня с ребятами, я поспешила на самолет. Меня встретил Владимир Александрович и привез к себе. Я рассказала Энгельгардтам обо всех событиях с 1 января 1948 г. по 23 февраля 1949 г. Накануне 1 мая около 12 часов ночи я сидела с Милицей Николаевной, когда раздался резкий звонок в дверь. Милица Николаевна шепнула мне: "Катя, идите скорее в ванную комнату". Владимир Александрович Энгельгардт открыл дверь — ввалились два вооруженных солдата⁹.

— Есть у вас кто-нибудь из посторонних?

— Никого нет, только своя семья, — ответил спокойно Владимир Александрович Энгельгардт. Ушли!..

А я в это время безуспешно пыталась протиснуться за нагревательную колонку. Увы! Она была на очень малом расстоянии от стены... Переночевав у Энгельгардтов, я попрощалась с ними и предупредила, что послезавтра улетаю обратно. На следующее утро я отправилась в конец Манежа, напротив которого была будка, где принимали почту высокопоставленным лицам государства. Большой чин с "иконостасом" во всю грудь стал меня допрашивать о содержании письма. Я замаялась.

— Или скажите, или я не приму ваше письмо!

— О служебных делах моего мужа, — ответствовала я.

Письмо он взял, посмотрел, кому оно адресовано, и бросил в рупоробразную корзину. Я вышла. Подходя к троллейбусной остановке, услышала шум бегущего за мной человека, который, перегнав меня, вскочил с передней площадки и, став спиной к кабине, уставился на меня. Хвост!!! Я, проехав несколько остановок, сошла и, пересев в автобус, поехала на Усачевку к знакомой. Соглядатай исчез. На следующий день меня принял дома Завенягин. Помогла мне в этом деле приятельница по Норильску, она жила в знаменитом "доме на набережной".

режной" и через мужа была хорошо с ним знакома. Принял он меня в своем домашнем кабинете. Я коротко информировала его обо всех "столбовых" событиях в жизни Александра Александровича до последних дней. Он очень внимательно слушал, пожалел этого "удивительно талантливого человека", расспросил о моих делах, пожалел меня и детей, а потом сказал: "К великому своему огорчению, я ничего не смогу на этот раз сделать. Эти события коснулись массы людей и, самое главное, это распоряжение лично т. Сталина, так что наше ведомство против него не пойдет — это будет безрезультатно и грозит большими перетасовками у нас. Но я вам советую не грустить, надо надеяться на будущее. Увидите Александра Александровича, передайте теплый привет от меня и жены. Вспоминая Норильск, мы всегда вспоминаем и прекрасного врача и человека А.А. Баева".

Через неделю в Сыктывкаре меня вызвали в местное отделение МГБ к следователю. Он встретил меня очень "радушно" и соболезнующим тоном спросил: "Зачем, Екатерина Владимировна, Вы летали в Москву, зря тратили деньги и время, когда все свои вопросы и жалобы могли разрешить тут, на месте, тем более, что письмо ваше у меня в столе?" И, открыв ящик, достает мое распечатанное письмо, удивленно улыбаясь.

— Я считала своим долгом обратиться в высшую инстанцию. Объясните мне, почему арестован мой муж?

— По постановлению Московского управления МГБ СССР.

— Зачем?

— По старому делу.

— Чего теперь ждать?

— Сейчас на этот вопрос я ответить не могу, только после окончания следствия и суда.

— И долго ждать?

— Я думаю, что не очень долго. Зайдите ко мне через месяц-полтора.

Он очень галантно проводил меня через все здание и даже вышел на крыльцо. На прощание просил со всеми вопросами впредь обращаться прямо к нему.

Еще до полета в Москву я была у прокурора. От него я тогда тоже ничего не узнала, только рассказала ему, что за человек А.А. Баев. Он, видимо, от скуки, внимательно слушал меня, потом довольно долго вел отвлеченную "светскую" беседу и тоже пригласил заходить к нему: "Через какое-то время, я, может быть, смогу несколько прояснить вам ситуацию".

Благодаря тому, что Владимир Александрович присылал мне ежемесячно 2000 руб. в течение 5 месяцев, я могла делать очень хорошие передачи Александру Александровичу в тюрьму (на майские праздники даже тортик), 4 передачи в неделю.

А между тем положение мое и детей в Сыктывкаре все осложнялось. На нас поставили клеймо — семья "врага народа". По этой причине мне было отказано в какой-либо работе; детей в ясли и садик не брали; из квартиры каждое воскресенье гнали. Являлся чин из НКВД и,

развалиясь в Сашином кресле, предупреждал, что если я не потороплюсь с отъездом, то он меня, такую-сякую, спустит с лестницы, а моих "щенок" сбросит с балкона. Еще бы они стали церемониться с женой "врага народа", когда перед глазами свежотремонтированная квартира со всей обстановкой, которую при сложившихся обстоятельствах никто покупать не станет. Пришлось мне опять идти к прокурору.

— Я устала от домогательств на мою квартиру! Когда мне будет известна дальнейшая судьба мужа, тогда я смогу решить свою судьбу и судьбу детей, а также вопрос о квартире. Защитите меня от этого беспардонного субъекта!

Прокурор обещал помочь и, очевидно, это сделал, так как после визита к нему я больше этого нахала не видела. А, может быть, у прокурора появился свой интерес? Надо сказать, что он внушал к себе больше доверия своей интеллигентностью. Расстались почти "друзьями".

В ожидании своего очередного визита к прокурору я решила составить вопросник и выучить его, чтобы в разговоре незаметно подбрасывать их и таким образом прояснить судьбу Александра Александровича, а следовательно, и нашу. Но он оказался проницательным человеком и не таким милягой, как я думала, что показали дальнейшие события. Однако наша двухчасовая беседа принесла свои плоды. Он честно ответил на все мои вопросы.

— Что ждет моего мужа?

— Ссылка.

— Куда?

— В Красноярский край, — и, подойдя к висевшей на стене карте, показал район между Енисейском и Подкаменной Тунгуской, ближе к последней.

— А может быть освобожден и оставлен здесь?

— Нет, это решение Москвы!

— На сколько лет?

— Навечно...

Вот когда я узнала, что ссылка вечная!.. Но, приехав к Александру Александровичу, я об этом умолчала.

— Может ли Александр Александрович работать там врачом? — спрашиваю я.

— По всей вероятности, так как в тайге врачи очень нужны.

— Когда его будут отправлять?

— Очевидно, скоро. Во всяком случае, до закрытия навигации по Енисею.

Расстались мы с прокурором очень тепло. Я узнала все, что мне было нужно. А он благодарил меня за приятно проведенный вечер и пожелал всего доброго. На прощание я полусерьезно спросила: "А нельзя ли мне с детьми уехать с тем же этапом, это очень бы облегчило мое путешествие?"

— К сожалению..., — и он развел руки.

Окрыленная, я направилась прямо на почту, чтобы сразу же сооб-

щить все сведения В.А. Энгельгардту. Тетрадь и карандаш были у меня в сумочке. Рассказав преамбулу своего замысла, я стала писать свои вопросы и полученные ответы (их было 12). Во время моей лихорадочной работы на почту пришел молодой человек, что-то спросил у служащей и начал, не торопясь, ходить по помещению. Я не обратила на него никакого внимания. Все запротоколировала, сдала бандероль и, убедившись, что завтра будет самолет на Москву, ушла. Эту бандероль Владимир Александрович *не получил*. Это значит, что молодой человек следил за мной и бандероль была изъята. После этого происшествия о моих визитах к прокурору не могло быть и речи.

Дней через 10 случился трагикомический эпизод. Я стояла на рынке в очереди за мясом. Как всегда, раз в неделю, беру 2 кг, кладу в сумку на ранее купленные овощи, и вдруг... слышу знакомый голос: "Екатерина Владимировна, Вам помочь донести?" Оглянувшись, а за мной в очереди стоит прокурор, который уже в курсе моей проделки. Мне чуть худо не стало — вот сейчас арестуют! Я едва кивнула ему и, не чуя под собой ног, побежала домой.

К концу августа пришел гонорар за книгу, и я стала срочно на долгий срок покупать для всех нас теплые вещи (В.А. Энгельгардт выслал на филиал 8000 руб., и они отдали мне все до копейки). Оставила деньги на самолет и на 18 мест багажа.

В июне я зашла к следователю, так как пронесся слух, что начинают собирать этап на отправку. Получила разрешение на свидание вместе с детьми. Вела их в тюрьму так, чтобы они не видели высокого забора с колючей проволокой и окон с "намордниками". Свидание было в домике, где принимали передачи. Большое окно с двумя решетками и широкий подоконник перед ним. Я поставила ребят перед сетками, минут через пять вошел Александр Александрович — бритый, пополневший, но не отечный, печальный. Я начала ему говорить самое главное. В это время дежурная обратилась к нему: "Возьмите детей на руки!"

— А можно?

— Можно, только недолго!

Дежурная открыла обе сетки, я передала детей. Алеша приник к отцу, положил ему головку на плечо и замер, Татка гладила отца по щекам. А я продолжала свою скороговорку, чтобы сообщить о самом главном. Свидание окончилось. Александр Александрович поцеловал детей, меня и ушел. На глазах у него были слезы: "Я напишу. Сообщу адрес." — "До свидания! Мы скоро приедем к тебе!" — кричу я на прощанье...

На обратном пути дети молчали. Дома сын спросил: "Мама, а почему там решетки?"

— Потому, что работа у папы секретная и туда никому нельзя заходить.

Узнав, когда отправляют этап, я в 5 часов утра с другими женами была у ворот тюрьмы. Этап был большой, конвоя много, подойти не разрешали. Когда же всех довели до реки Вынь и погрузили на баржу, основной конвой ушел и на мостках остались три солдата. Я встала

рядом с ними и вдруг услышала голос Александра Александровича, он находился в последнем отсеке за брезентовой занавеской. После долгих переговоров с конвоем мне, наконец, разрешили передать ему сумку с едой на дорогу, куда я засунула 100 рублей.

Когда его отправили, я начала собирать посылки с его бумагами, документами, что осталось от обыска, и книги. Набралось 12 посылок. Когда получила от Александра Александровича письмо с его новым адресом, отправила все по почте.

В своем письме Александр Александрович описывал убожество существования: электричества нет, радио нет, библиотеки нет, клуб-развалюха, школа (начальная) — продуваемый сарай, деревня маленькая — в 30 домов, одна улица, местное население — чалдоны, люди сильно пьющие и примитивные, немного бывших кулаков, которые чистые, хозяйственные и живут особняком (у них даже колхоз свой, так как чалдоны ленивы и к сельскому труду не приучены). Раньше занимались рыболовством, скотоводством, заготавливали кедровые орехи и все это зимой везли в Архангельск, некоторые торговали и лошадьми, а когда их стали "перевоспитывать", они вообще ничего не стали делать, только себе обеспечивают минимум необходимого. Неряшливы. Больница, к которой его прикомандировали, очень маленькая, на 5 коек, и та разваливается. Правда, дом, в котором живет медицинский персонал (акушерка, две сестры-медики, завхоз), и имеется 30-метровая половина для врача, относительно приличный. В деревне есть 2–3 кулацких дома — крепких, хорошо поставленных, остальные развалюшки. Кругом тайга на сотни километров. Он боялся, что я всего этого не выдержу. Он, очевидно, забыл судьбу своей мамы после его ареста!

Третье путешествие по Союзу (самое драматическое)

Наш путь: Сыктывкар—Москва (самолетом); Москва—Красноярск (поездом); Красноярск—Ярцево (последним туристическим пароходиком); катером ночью по Енисею из Ярцева 50 км (остановка напротив Нижне-Шадрина), на "завозне" (маленькая баржа) ночью в бурю полтора километра через Енисей непосредственно в Нижне-Шадрино.

Лихорадочное окончание сборов, так как надо успеть добраться до Нижне-Шадрина до закрытия навигации. Грузовик для багажа. Аэродром. У меня билет только на себя (дети маленькие — 2,5 и 4 года) — надо еще билет, двоих детей без билета везти нельзя! Пристроила дочку к какому-то симпатичному дяде, так и прошли. Пилоты все видят, но молчат. Перед отъездом дала телеграммы Энгельгардтам и мачехе, чтобы встретили. Места в самолете есть, сажусь рядом с ребятами. Самолет летит на высоте 500 м, болтанка страшная, мы все пользуемся пакетами.

В Москве на аэродроме: Владимир Александрович, Милица Николаевна, мачеха — Лидия Александровна Янковская, сестра Лиля и 5 носильщиков. Начинаем считать багаж — не хватает одного места. В.А. Энгельгардт спрашивает: "Какого?" Вспомнить не могу. Он бежит к самолету и вместе с летчиками находит в багажном закоулке чемо-

дан. Носильщики разбирают 18 мест багажа, Владимир Александрович и сестра — детей. В.А. Энгельгардт нанимает грузовик, оставляет двух носильщиков, меня с ребятами берет в свою машину и мы едем к мачехе. Кое-как размещаем в ее комнате огромный багаж. Дети под присмотром сестры, я у Энгельгардтов — решаем вопрос, как быть с Красноярском. И тут я вспоминаю, что в Москве еще жива подруга мамы Александра Александровича — тетя Нина. Когда-то она, рассказывая мне о своей жизни, упоминала родственников своего первого мужа. Это старичок и старушка в возрасте далеко за 70, они живут в Красноярске. Тетя Нина изредка с ними переписывается. Даем им телеграмму, чтобы встретили меня с детьми и приютили на несколько дней. Ответ положительный: "Встретим. Чернявские". Владимир Александрович берет нам билет на поезд (целое купе), организует перевозку багажа, дает мне деньги на билет на пароход. Милица Николаевна снабжает нас питанием в дорогу до Шадрина (самое главное для детей, конечно, сухомытка). Провожают на поезд Энгельгардты, мачеха и сестра. Весь багаж засунули в купе.

Пять дней едем до Красноярска. Приехали. Беру двух носильщиков с тележками, подходим к выходу с перрона, там железная загородка, за ней приветливо машут два старичка. Передаю поверх загородки детей — они начинают реветь. Меня не пропускают (очень много багажа), уговоры не помогают, даю 50 руб. — пропустили. Носильщики везут багаж в камеру хранения. Расплачиваюсь и вместе с Чернявскими едем к ним. У них 10-метровая комнатка. Две железные кровати, маленький столик и один венский стул. Свободен только кусок пола между окном и дверью. В который раз устраиваю "лежбище". Через три дня дети простужены, на улице холод, дождь и ветер. Уже 3 октября, навигация закрыта, будет только один пароход на Дудинку. Беру билет с надеждой, что в районном центре Ярцево он остановится. Железнодорожный вокзал от речного за 7 км (через весь Красноярск). Я в прострации. И вдруг слышу знакомый голос: "Екатерина Владимировна, что Вы тут делаете?"

Боже мой, да это мой приятель по Норильску — энергетик Юра Муравьев!

— А Вы что тут делаете?

— Меня командировали в качестве начальника футбольной команды Норильска на матч с красноярцами.

Я коротко знакоблю его со своей ситуацией.

— Да... Посадку на пароход я Вам обеспечу, в моем распоряжении 13 молодых! А вот переброска багажа — это загвоздка... Вы знали в Норильске Фигуровского?

— Конечно. Я в приятельских отношениях с его женой и его хорошо знаю.

— Так вот, он сейчас в Красноярске, начальник управления пожарной охраны. У него есть транспорт и сильные ребята. Идите к нему — он не откажет. Благородный человек и хорошо знал Александра Александровича.

Иду к Фигуровскому. Коротко объясняю свое положение — дети 2,5 и 4 лет, 18 мест багажа да ручная кладь. Багаж надо перебросить с железнодорожного вокзала на пристань.

— Хорошо! Я Вам дам большую телегу-платформу, двух крепких ребят-пожарников, брезент для багажа и брезентовый плащ — другого, простите, нет — для Вас. Но... это только после полуночи... Сами понимаете, что в светлое время я это сделать не могу.

Благодарности моей нет границ!

В час ночи я отправляюсь под проливным дождем на железнодорожный вокзал на телеге-платформе с двумя "зверского вида" нацменами. Обратную дорогу иду пешком, так как очень боюсь этих парней. Полная темнота. Дорога в ямах и рытвинах, наполненных водой, да еще поливает сверху, а я барахтаюсь в брезентовом плаще. В 4 часа ночи ребята довели меня до пристани, сгрузили багаж с высокого берега на дебаркадер, где за железной решеткой собирают багаж пассажиров. Я с ними расплатилась, поблагодарила и отправилась в багажное отделение. Подаю билет, но прошу багаж оформить до Ярцева, так как я вещи везу "маме", а сама еду в Норильск. Но приемщица мне отвечает: У билетной кассы висит объявление о том, что пароход идет до Дудинки без остановок. Поэтому багаж на Ярцево по Вашему билету я оформить не могу!"

— Что же мне делать?

— Идите к начальнику порта!

Я заранее знаю, что это бесполезно. Оставляю на складе весь свой неоформленный багаж и исчезаю на неделю. Около 12 часов ночи я ежедневно выхожу на высокий берег и смотрю на свои вещи через железную решетку склада на дебаркадере — пока целы! На имя Чернявских для меня приходит телеграмма от Александра Александровича: "Встретить не смогу. Завхоз уехал за медикаментами". Сплошные сюрпризы! Узнаю, что в Ярцеве нет ни пристани, ни дебаркадера — голый каменистый пустынный берег. Что я буду там делать? Вынуждена сдать билет на Дудинку за полцены. Если подвернется какое-нибудь плавсредство, до него еще надо дожить; потом оплатить багаж, в Ярцеве оплатить рабочих, найти и оплатить жилище и самое главное купить билет на какой-нибудь пароходишко. Обращаться к В.А. Энгельгардту мне просто стыдно и я даю телеграмму "SOS" Милице Николаевне с просьбой выслать 1000 рублей подробности, дескать, письмом). Через три дня получаю от Энгельгардтов деньги, а пароходов все нет: навигация официально закрыта с 6 октября.

И, наконец, 9 октября идет вниз экскурсионный пароходик, направляясь в Затон на зимовку, будет проезжать мимо Ярцева. Бегу оформлять багаж, даю 50 рублей заведующей складом и со слезами целую ее, что сохраняла столько времени мой бесхозный багаж. Сообщаю Юре Муравьеву, когда и во сколько отплывает пароходишко. Футболисты являются всей командой — 13 молодец!

На пристани перед посадкой дикая толпа с мешками, чемоданами, баулами — страшно смотреть! Молодые футболисты берут на руки моих

детей, вещи, что я везу с собой для детей, подхватывают под руки меня и, раздвигая натренированными телами и "медными глотками" толпу, тараном врезаются в нее, доходят до борта парохода, прямо через борт передают кому-то в руки детей и вещи, потом так же через борт закидывают на палубу меня. Каюта первого класса — все ободрано, чехлы и занавески сняты, грязь невообразимая! С нами едет пожилая пара, по настроению похожая на нас. На третий день грязные, худые, измученные подплываем к Ярцеву, и на берегу в брезентовом плаще стоит Александр Александрович!!! Он, слава Богу, вполне благополучен. А мы, как мученики из Ада!..

Александр Александрович перетаскивает на крутой берег весь багаж и заводит нас в небольшой крестьянский домик, в котором нам опять (везет же!) выделен кусок чистого пола между плитой и курятником. Живем там три дня. Александр Александрович почти все время на берегу, чтобы не пропустить катер, на котором нам надо проехать еще 50 км до Нижнего Шадрина. Катер приходит ночью. Александр Александрович с хозяином квартиры переносят на берег багаж и грузят его, я с ребятами залезаю в каюту. Все мы дрожим от холода — на Енисее шторм, идет снег с дождем.

Подплыли к темному берегу, на той стороне Енисея — Нижнее Шадрино, до него через реку 1,5 км. У берега стоит "завозня" — маленькая баржа. В ней сидят моторист и завхоз больницы и стоит лошадь, которая при каждом всплеске волн пугливо перебирает ногами, имея явное намерение удрать на берег. Завхоз крепко держит ее на коротком поводке из вожжей и все время успокаивает. Катерок отчалил, и мы остались в полной темноте. Прощай цивилизация! Противоположный берег не виден. Начинаем грузиться: 12 моих посылок, 18 мест моего багажа, я, Александр Александрович, двое детей, и вдруг из темноты появляются две женщины с четырьмя мешками картофеля. Дети сидят на багаже, закутанные поверх одежды ватными одеялами, но я их в темноте не вижу. Начинаем переправляться через реку. На середине Енисея волны и ветер усиливаются, женщины вопят тонкими голосами: "Ой, Боженьки, утонем!" Наконец, Александр Александрович не выдержал и гаркнул: "Перестаньте причитать!" Женщины при молкли. Доплыли. В деревне не видно ни одного огонька да, собственно, и деревни не видно. Лошадь выводят на берег, и она начинает тащить "завозню" против течения (11 м в минуту) до нужного нам места, так как нас отнесло от Шадрина вниз по течению на порядочное расстояние. Все... Разгружаемся. Завхоз говорит Александру Александровичу, что они с мотористом все, что надо, сделают. Александр Александрович берет на руки Алешу, я Татушу, они оба как мыши — совсем замерзли и замерли. Идем в деревню. Александр Александрович в темноте ошибается дорогой, и мы оказываемся на скотопрогоне — в месиве из грязного снега и навоза. Через несколько минут я чувствую, что силы покидают меня и сажусь с Таткой прямо в грязь. Окликаю Александра Александровича, он забирает на руки и Тату, я, держась за его плащ, встаю, и мы плетемся дальше в гору. Забрались... Видна

темная больница и дом медперсонала с горящей керосиновой лампой на столе в кухне нашего пристанища. Господи! Неужели это конец всем мучениям? На завозне я не голосила, но прочитала про себя все молитвы, которые только помнила, так как была уверена, что наша могила будет на дне Енисея...

В кухне тепло, топится плита, кипит большой чайник. Раздеваем ребят, достаю сухари, сахар и сладкой горячей тюреей отогреваем совсем оочоженевших детей. Затем в комнатенке на деревянном топчане, не раздевая, закатываю их в ватные одеяла, и они в один миг засыпают, так и не произнеся за все время, прошедшее с переправы, ни одного звука. Меня бьет озноб. Александр Александрович разгребает в плите угли, кладет на нее кипу каких-то бумаг, потом сложенное в несколько слоев свое одеяло, сажает меня на плиту и отпаивает кипятком с большими кусками рафинада. Через полчаса я немного пришла в себя.

В квартире шесть окон на три стороны света. Они не утеплены. Площадь квартиры 30 кв.м. Эта одна комната, разделенная полуперегородками на четыре клетушки по 7,5 м в каждой: детская (вместе с няней), столовая, кухня и наша комната. Если утеплить окна, то жить можно! Печь топим три раза в день. Александр Александрович колет и носит дрова. Через неделю уезжает на 10 дней — подошло время объезда всех закрепленных за ним участков, где работают лесорубы.

Его врачебные участки простирались на 15 км вдоль Енисея и на 40 км в глубь тайги. На этой территории находились: дер. Тамарово и три плотбища, где рубят лес и готовят для сплава плоты. Это Шерчанка, 5-е и 9-е плотбища, между ними несколько безымянных маленьких поселков для лесорубов. В этих местах работают прибалты и русские ссыльные. Уезжая, Александр Александрович сказал мне: "Катенька, дровами тебя обеспечит завхоз, я с ним договорился". А завхоз — горький пьяница и ни разу дров мне не принес.

Ударили морозы до -50°C . Пришлось мне впервые в жизни взяться за колун. Огромные кедровые чурбаны я могла расколоть только при таком сильном морозе. Все больные, прижав к стеклам носы, смотрели, как докторша колет дрова! В квартире нашей такой холод, что отойти от плиты нельзя, и ели мы прямо с плиты, одетые в валенки, зимние пальто, шапки и варежки. Были и другие прелести, так как "удобства" во дворе. У Александра Александровича для зимних поездок был олений малахай с капюшоном, и ездил он зимой на санях, летом верхом на лошади. Вернувшись, он прежде всего изобрел замазку из творога и глицерина и замазал все окна, привез с плотбища молодого крепкого украинца в качестве нового завхоза. С ним он начал увеличивать больницу с 5 коек до 15, иногда там лежало и до 20 больных. В ней были аптека, кабинет для амбулаторного приема (кабинка из занавесок), лабораторный отсек, баня-прачечная, теплый туалет, родильная палата, мужская и две женские палаты. Была еще маленькая палата для инфекционных больных и небольшая кухня для подогрева воды и еды. Основная кухня была в отсеке дома медперсонала. Александр Александрович отремонтировал автоклав, привел в порядок дистиллятор для

аптечки и прочих нужд, мобилизовал персонал больницы на капитальное утепление окон и дверей, пошив больничного белья, полотенец, пеленок, косыночек; с помощью райздрова обзавелся необходимыми инструментами; достал кровати, тумбочки, табуретки, матрацники, посуду и пр. Купил в рассрочку у колхоза сено для матрацев и подушек, в сельпо — одеяла (пока в долг, так как больничные деньги были пропиты завхозом). После этого купил в колхозе (опять в долг) корову для больницы и сена. С наступлением лета вместе с новым завхозом переменил венцы у больницы, а то она совсем скосбочилась, исправили двери, некоторые рамы, построили навесы для дров и сена, отремонтировали хлев и пристроили еще маленький. Он работал всю весну, лето и осень 1951 г. и одновременно лечил больных и вел ежедневно амбулаторный прием.

В феврале 1951 г. я поступила на работу в больницу медсестрой-лаборанткой. Поздней весной 1951 г. Александр Александрович отправил меня в командировку в Москву для приобретения лабораторного оборудования. У него была тайная надежда, что В.А. Энгельгардт пришлет что-нибудь для его лабораторных опытов с картофелем. До этого времени он пытался достать хоть что-нибудь в Ярцеве, но ничего там не нашел. Была в Ярцеве какая-то экспериментальная сельскохозяйственная станция, на которой пытались вывести карликовые плодоносящие деревья и кустарники, но попытки были бесплодны. У них было некоторое количество химического оборудования, сваленного в углу и покрытого пылью, но они ему ничего не уступили.

В.А. Энгельгардт не смог на этот раз помочь из-за большой загруженности работой, пошатнувшегося здоровья Милицы Николаевны и самого Владимира Александровича. Но мне он сказал: "Эта затея не имеет перспективы из-за чрезвычайной удаленности, затруднений с пересылкой и подбором оборудования и реактивов и вообще с теперешним полным отрывом Александра Александровича от науки неизвестно на какой срок!" Я сообщила, что ссылка "навечно". В.А. Энгельгардт долго молчал, а потом сказал: "А может быть, что-нибудь изменится? Будем надеяться!"

Мое возвращение из Москвы вызвало глубокое разочарование у Александра Александровича, когда он убедился в том, что для его персональной лаборатории Владимир Александрович ничего не прислал. Потом мои рассказы о научной работе В.А. Энгельгардта, его поездках за границу, его встречах с другими учеными и его научных докладах, о работах, идущих в мире в разных областях науки, — все это привело Александра Александровича в состояние глубокой депрессии.

— Моя ссылка "навечно" (вот когда он мне сказал об этом) и хотя я не собираюсь жить вечно, но годы бегут и все, что происходит и произойдет в мире науки, пройдет мимо меня.

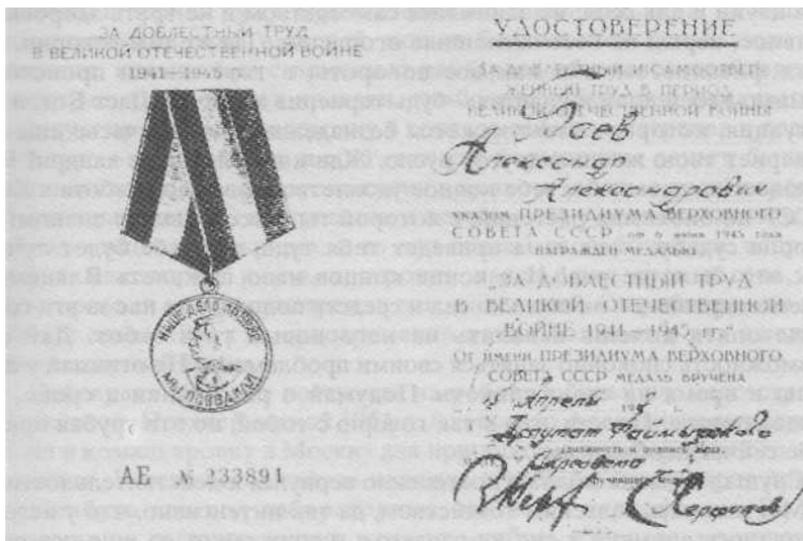
— Саша, зачем ты впадаешь в пессимизм. Условия, в которых ты сейчас находишься, способны сохранить твоё здоровье и силы, дают заряд физической бодрости, ты сохраняешь работоспособность и, если что-нибудь изменится в твоей судьбе, ты еще сможешь многое сделать

для науки и для себя; не занимайся самоедством и не трать здоровье и, главное, нервы на бессмысленные огорчения. Ты же сам говорил, что стал фаталистом, так как все повороты в твоей жизни происходят помимо твоей воли и участия — будь терпелив и сейчас. Даст Бог, и эта ситуация, которая сейчас кажется безнадежной, в одночасье еще раз повернет твою жизнь в другое русло. Жди и надейся, а не хандри! Еще неизвестно, давала бы тебе полное удовлетворение твоя работа в Коми АССР по биохимии растений, с которой ты совсем был не знаком! Не торопи судьбу — она сама приведет тебя туда, где тебе будет лучше, как это было не раз! И в конце концов надо пожалеть Владимира Александровича — он столько сил и средств положил на нас за эти годы, а ты опять хочешь навалить на него новый груз забот. Дай ему возможность спокойно заняться своими проблемами. Не отнимай у него силы и время на свою прихоть. Подумай о расстоянии и сроке, вас разделяющем. Прости, что я так говорю с тобой, но эта грубая правда тебе сейчас необходима.

Слушал он меня молча и постепенно вернулся к действительности.

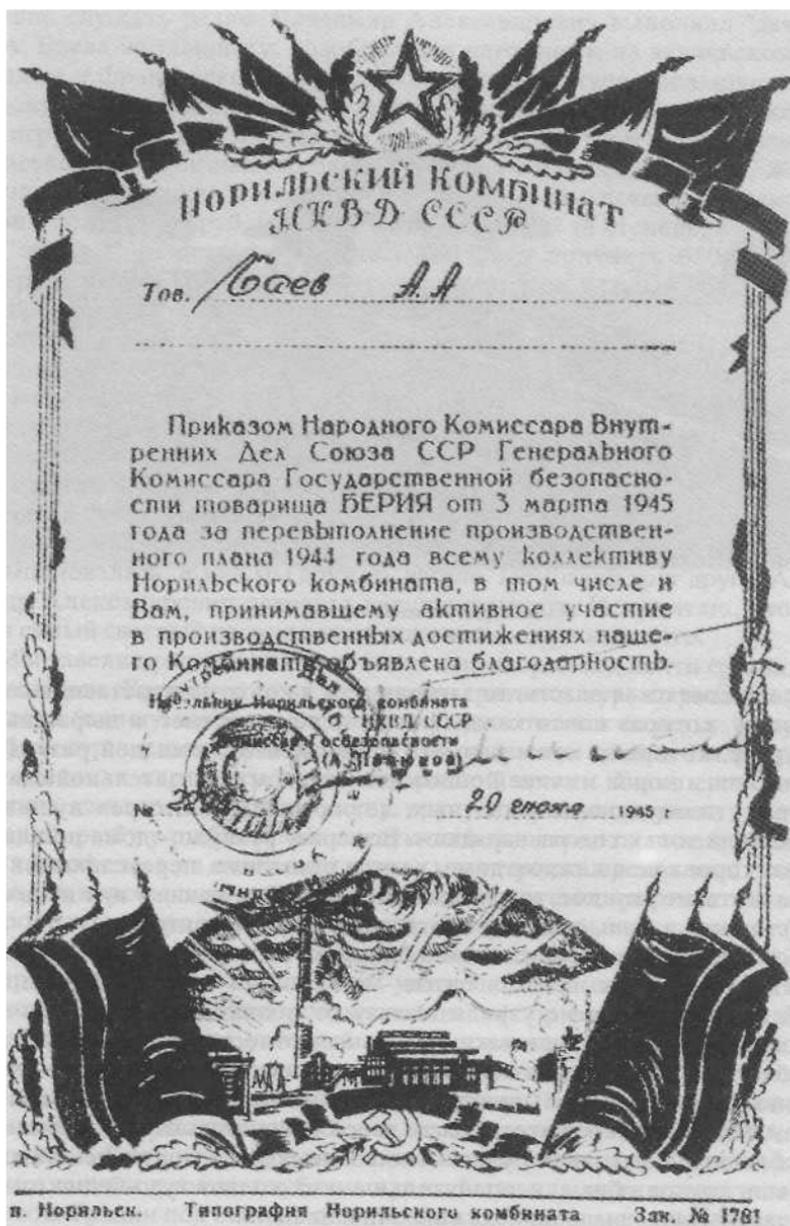
Мы занялись сельским хозяйством, да так интенсивно, что у него не оставалось времени и сил на раздумья и сожаления, да еще основная работа, которая не могла его полностью удовлетворять, но требовала внимания и сил. Он принимал патологические роды, хотя была акушерка, делал операции аппендицита, лечил переломы, рвал зубы, поддерживал, а иногда и подлечивал больных туберкулезом, делал вскрытия умерших от рака, чтобы убедиться, что не ошибся в диагнозе, излечивал тяжелые радикулиты и т.п. Слава о больнице в Нижнем Шадрине и ее врачам распространилась на весь район, и в 1952 г. он получает Красное знамя за лучшее медицинское учреждение, а в 1953 г. то же знамя "на вечное хранение" и ежегодную благодарность от райздрави. И это в то время, когда он находился под гласным надзором, каждые две недели должен был отмечать свое удостоверение у коменданта МВД, а в случае побега его ждал расстрел. Больные ехали к нему и из других районов. В своих отдаленных медпунктах — Шерчанке и на 9-м плотбище — он имел фельдшеров, но ленивых и корыстных, так что и там у него были большие нагрузки.

Когда я стала лаборанткой, Александр Александрович позанимался со мной всего три дня (кровь, желудочный сок, мокрота, глисты), потом иногда проверял. Сестринской работе я научилась сама, приглядываясь к медсестрам и, имея "легкую" руку, быстро освоилась со всеми манипуляциями. Часто навещала родильную палату и не зря, так как однажды мне пришлось принять роды двойняшек. Работали мы в больнице по 12—16 часов, отпуска не брали. Ежегодные конференции врачей в Ярцеве А.А. Баев кроме отчета украшал докладами на медицинские темы, черпая новинки из получаемых и переведенных В.А. Энгельгардтом на Нижнее Шадрино журналов: "Советская медицина", "Наука и жизнь", "Биохимия". В.А. Энгельгардт выписывал нам еще "Огонек" и "Литературную газету" — это было наше окно в мир; конечно, еще и приемник.

Какие же ссыльные¹⁰ жили и работали при больнице в Нижнем Шадрине из того же сословия, что и А.А. Баев? Акушерка — Александра Борисовна Орлова, с двумя детьми, жена "изменника Родины", пострадавшая за мужа-танкиста, которого немцы во время войны вытащили раненного из горящего танка; завхоз больницы, украинец-партизан — Иван Сом, который попал в облаву и был спрятан белорусской, а когда вновь пробрался к партизанам, оказался "изменником"; повар — Доба Моисеевна Гринберг — бывшая работница Коминтерна; аптекарша — эстонка Линда; санитарка — Аня Рикерт — из ссыльных немцев Поволжья и др., а также наша помощница, с которой мы сроднились за 5 лет совместного житья, — Алмазова Анна Ефремовна, теть Аня, осужденная за связь с "мировой буржуазией" — очевидно, фамилия подвела, так как она была лишь машинисткой в профсоюзе. Александр Александрович привез ее в 1950 г. с плотбища, где она, изуродованная тяжелейшим ревматизмом, погибала на лесоповале в тайге. От ссылки она освободилась одновременно с Александром Александровичем и жила в Симферополе с племянницами. Мы ей до самой ее кончины помогали, она навещала нас в Москве, мы ее в Крыму.

Большинство ссыльных в Нижнем Шадрине и его окрестностях составляли прибалты, они работали на лесоповале. Основное же население — так называемые чалдоны. Они произошли от беглых каторжников. Сначала обжились богато и разумно. Строили из кедра большие дома с просторными подворьями. Разводили скот, лошадей, собирали дары тайги; хорошие сорта рыбы солили, коптили, к зиме морозили. И по санному пути отправлялись в Архангельск, где все продавали, меняли (в Архангельск из других районов России завозили все, что душе угодно). Таким образом жили припеваючи. Когда до них до-

НОРИЛЬСКИЙ КОМБИНАТ
НКВД СССР

Тов. *Боев А.А.*

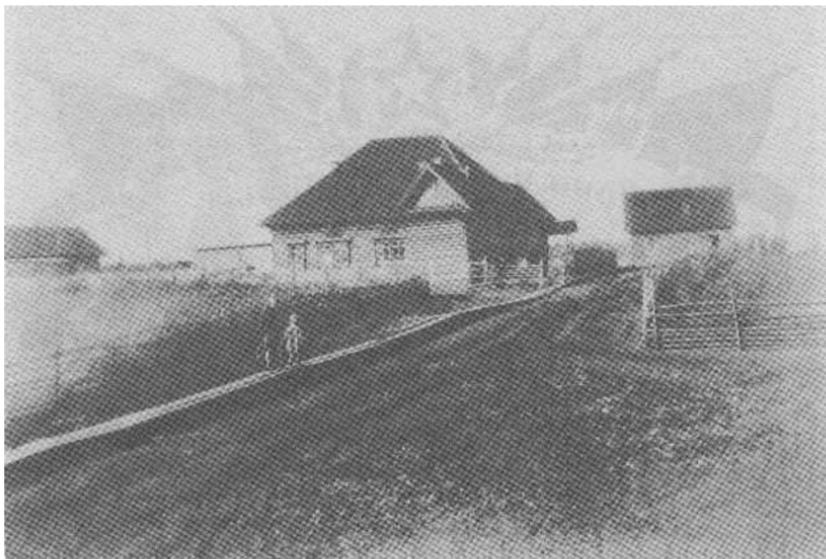
Приказом Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР Генерального Комиссара Государственной безопасности товарища БЕРИЯ от 3 марта 1945 года за перевыполнение производственного плана 1944 года всему коллективу Норильского комбината, в том числе и Вам, принимавшему активное участие в производственных достижениях нашего Комбината объявлена благодарность.

Норильский Комбинат
НКВД СССР
Управление Государственной
безопасности
(А.С.И.С.З.С.В.)

№ 20

20 января 1945 г.

"Благодарность" за годы неволи

*Больница. Нижнее Шадрино. 1952 г.
Фото А.А. Баева*

бралась Советская власть, то загнали всех в колхозы и заставили сеять пшеницу, которая почти каждый год уходила под снег, и выращивать кукурузу, которая в этом климате не вызревает; лошадей разводить запретили, а коров и свиней обложили налогом с обязательной сдачей шкуры утилизированных животных, ловлю рыбы и отстрел пушнины разрешили только по разнарядкам. Все сразу рухнуло — дома пошли на дрова, корова не в каждом доме, колхоз развалили, переселились в халупы, питание скудное, зато водка доступна. Вот такая у них началась "счастливая" жизнь, отсюда и соответствующий характер.

Ссылных кулаков они считали братьями по несчастью, прибалтов — изменниками, а уж интеллигентов — истинными врагами народа. По этой причине, пока не узрели пользу от появления в селе врача и хорошей больницы, они к таким ссылным относились враждебно. И в первый год мне наладить с ними торговые отношения было очень трудно. Они часто отказывались что-нибудь продавать или заламывали огромную цену. Народ этот в массе своей был неграмотный, угрюмый, озлобленный. С кулаками у них отношения скоро испортились, так как те были трудолюбивы, исполнительны и их колхоз худо-бедно планы государственные выполнял, да еще они и не пили.

Первый год мы жили скудно и без радио, только с одной газетой "Красноярский рабочий". На следующий год Александр Александрович купил в сельпо ламповый приемник, но батареи в нем чуть дышали. Когда же он послал меня в Москву, то В.А. Энгельгардт купил для нас новые батареи (по пуду каждая) и у нас появилась возможность еже-

дневно слушать радио. Владимир Александрович выполнил "заявку" А.А. Баева на подписку, подобрал для него книги на английском, немецком и французском языках (для практики), купил большую керосиновую лампу с комплектом стекол, а Милица Николаевна — лакомства, игрушки, книжки и обувь для ребят. Я на обратном пути получила в Енисейске остаток нашего багажа, шедшего малой скоростью. Жизнь наша стала налаживаться. Первые полтора года Александр Александрович получал 90 руб. за заведование и 30 руб. за степень, я — 30 руб. Но когда больница расширилась, он стал получать 650 руб., я — 187 руб. 50 коп. Но все равно от Энгельгардтов каждый год весной и осенью мы получали переводы по 1000 руб.

Однажды Александр Александрович приехал из райцентра и сообщил, что тех, кто живет сейчас в этом районе, будут переселять дальше на север, а сюда приедут новые ссыльные. Тетя Аня заплакала, у Александра Александровича заблестели глаза. Я сказала им: "Не надо волноваться, везде живут люди, и я не брошу вас одних. Мы с ребятами вас любим и поедем вместе с вами. Кроме того, я думаю, что райздрав будет отстаивать А.А. Баева всеми силами".

Потом мы все постепенно успокоились. Семья наша окончательно скомпоновалась. Жили мы дружно, весело. Помогали друг другу, Александр Александрович перестал внешне грустить. И я считаю, что это был самый светлый период нашей жизни несмотря ни на что.

Мы завели крестьянское хозяйство и на второй год почти сравнялись с кулаками. Купили корову, сепаратор, развели кур, вырастили двух поросят (одного сменяли на говядину), заготовили соления: капусту, грибы, огурцы; запасли на зиму клюкву, засушили грибов. На пяти сотках посадили картошку и немного разной зелени. Было свое масло, сметана, молоко. Хлеб, сахар, муку, крупу и керосин покупали в сельпо, соленую рыбу у рыбаков. На следующий год колхоз дал нам 23 сотки под картофель, а на своих пяти сотках мы устроили прекрасный огород. Сено для коровы покупали, дрова были бесплатные, квартира тоже. На огороде мы устроили два больших, правда открытых парника (при внезапных похолоданиях я закрывала их газетами и тряпками). Александр Александрович с большим удовольствием выращивал рассаду капусты, огурцов и помидоров, последние, как правило, дозревали дома. Он с завхозом сделал уличный погреб с вытяжкой и козырьком и с внутренней лестницей для спуска. Зимой обкладывали его снегом. Урожайи мы снимали полноценные и обильные. Правда, при устройстве парников я изрядно намучилась, так как силы мои и Александра Александровича были не сравнимы, а таскание земли, перегноя и навоза для искусственных и очень глубоких лунок было для меня изнурительной работой. Грядки под овощи копал Александр Александрович. Завхоз за деньги на больничной лошади окучивал плугом картошку. В сборе урожая, так же как и в посадке картошки, немного помогали дети. Осенью Александр Александрович с завхозом свозили весь урожай в погреб (небольшой был в кухне). В большом все прекрасно сохранялось до самой весны, даже подвешенная капуста. Капусту поли-

вала я, огород — тетя Аня. Александр Александрович чистил "стайку" у поросят и коровы. Тетя Аня белила квартиру, мыла окна, готовила нам еду и корм для животных, следила за детьми, гладила и чинила белье. Я мыла дома полы, стирала белье на пятерых — для этого надо было наносить 40 ведер воды из бочки, стоящей около больницы на специальной подводе, залезала на колесо, и проносила ведра через всю больницу, в конце которой была баня-прачечная с двумя вмазанными котлами для кипячения белья и большая бочка для воды. Моей обязанностью было также выхаживание "задохликов". Каждую весну Александр Александрович покупал в колхозе двух поросят месячного возраста. Что за несчастные создания они были! Больные, худые, грязные, едва стоявшие на ножках. Целый месяц я их лечила, купала, кормила — ухаживала, как за малыми детьми. Жили они у нас в кухне в небольшой клеточке под кухонным столом ближе к печке. Через месяц резвые, чистые, здоровые и округлившиеся они переводились в "стайку". Удивительно умные, чистоплотные и легко приручаемые животные!

Летом ходили с ребятами за грибами, купались в Енисее, плавали на лодке, ловили рыбу (это нам всегда плохо удавалось). Правда, весной после разлива Енисея в низинах долго стояла вода и я с ребятами, а иногда и с медсестрой Любой Гороховой ездили на "душегубке" (плоскодонной лодчонке) вынимать попавшую в сети рыбу. Поздней весной всей семьей ходили любоваться ледоходом, а зимой предпринимали дальние прогулки на лыжах. Иногда ребята одни ходили на другой берег Енисея в гости к жене сторожа склада, жившей в полутора километрах. Однажды мы все зимой поехали на розвальнях на ближайшее плотбище и засиделись. В обратный путь отправились уже в сумерках. Поднялась пурга, дорогу, которая шла по льду Енисея, стало заматывать, ветер и мороз усиливались. Александр Александрович с палкой шел рядом с лошадью, нащупывая дорогу, чтобы не попасть в полынью, а я следом за санями, следя, чтобы не раскутались и не замерзли ребята. Долго и мучительно мы ехали, но все окончилось благополучно! Был и забавный случай. Мы отправились на лыжах через протоку на большой остров, где было очень много красногрудых снегирей и вообще красота зимнего леса неописуемая. Катались по острову долго, ребята стали уставать. Танюше было 4 года, но на лыжах она держалась прекрасно, а тут попросила: "Мама, папа, возьмите меня за ручки". Сначала она исправно двигала ногами, но потом мы заметили, что шаги не чередуются, — взглянули на личико и увидели, что она сладко спит. Так спящую на лыжах мы ее и доволокли до дома.

Как-то летом мы с Александром Александровичем выходим из больницы и видим, что Тата едет верхом на больничной лошади, разумеется, без седла, так как лошадь была рабочая. И вдруг мы замечаем, что лошадь направляется в "стайку", а дверь там низкая, и если лошадь имеет действительно намерение идти отдыхать, то от Таткиной головы ничего не останется. Догнать и остановить лошадь мы не успеем и потому в два голоса стали кричать: "Тата, ложись на спину!!"

Татка не поняла, зачем ей ложиться, но, слава Богу, лошадь была умницей. Дойдя до двери стойки, она остановилась! Мы подбежали, Саша трясушимися руками снял Тату с лошади и мы на "ватных" ногах пошли домой.

Вообще Татка была отчаянной девицей. В телегу с загородками она забиралась с колеса, перешагивала слуги и вставала на середине телеги. Как-то Александр Александрович сидел на больничном дворе на бревнах, рядом один выздоравливающий грелся на солнышке. Тут же примостилась Тата. Александр Александрович рассказал, что местные жители нашли в тайге два трупа. Люди пошли за кедровыми орехами и погибли, заблудившись в лесу метрах в трехстах от Енисея. И вдруг раздается тоненький Таткин картавый голосок: "Нет, папа, там было три трупа, третий была рощадиный!" Картавость она приобрела еще в Сыктывкаре от сына наших соседей и только к пяти годам речь ее стала нормальной.

Раз уж я начала писать о детях, то еще один трагический эпизод не могу обойти молчанием. Это было еще в Сыктывкаре через три дня после ареста Александра Александровича. Когда дети спросили: "Где папа?", я ответила, что он в командировке, пишет книгу. Тата вела себя, как всегда, а Лешенька все присматривался ко мне и останавливал расшумевшуюся сестру: "Не шуми, у мамы голова болит!" Уводил ее в детскую и читал ей наизусть сказки Пушкина. Однажды, увидев во дворе мальчиков, попросился гулять. Через 5 минут он вернулся красный, дрожащий с крупными каплями слез, которые ручьями текли по лицу. "Мама, мальчишки говорят, что не будут со мной играть, потому что мой папа — враг народа и его увели в тюрьму", — говорил он, дрожа и захлебываясь от слез. Я взяла его на руки, стала успокаивать, повторяя свою легенду, но он вырвался из моих рук, подбежал к окну и, стуча кулачками по стеклу, стал выкрикивать: "Дураки! Ничего мой папа не враг, он хороший, он пишет книгу! Вы все врете, мой папа хороший, он не в тюрьме!" Я долго не могла оттащить его от окна, он все рыдал и трясся мелкой дрожью. Я прикладывала к личику и на головку мокрое полотенце, обнимала, целовала, успокаивала, а он все плакал и дрожал. Это была настоящая истерика, которая длилась более получаса. Я сама еле сдерживалась от слез, а у него сердечко готово было разорваться от обиды за папу. После этого эпизода он стал часто просить меня взять его с собой, когда я спешила в тюрьму с обедом.

— Я хочу видеть папу!

— Деточка, я сама его не вижу, обед ему передает няня.

— А почему он не кушает там, где пишет?

— Потому, что там невкусно готовят, а он привык есть то, что я ему готовлю. Ему надо хорошо питаться, а то голова будет плохо работать.

Я, убегая в тюрьму, иногда запирала детей дома. И вот как-то, возвращаясь домой, встречаю похоронную процессию. Впереди оркестр, потом катафалк, за ним некоторое пустое пространство, а даль-

ше провожающие. Хоронили кого-то из театра, который был недалеко от нашего дома. Вдруг вижу за катафалком маленькую босую фигурку в трусиках, которая в такт оркестра размахивает руками. Боже! Ведь это Лешенька! Я кинулась к нему, схватила за руку и, пока мы шли домой, выясняла, каким образом он оказался в этой процессии. Ему тогда было только 4 года. Он первый раз в жизни услышал оркестр, так как в Норильске и Сыктывкаре у нас не было даже радио, выглянул в окно, увидел музыкантов, елочки (венки), и ему очень захотелось туда пойти. Он открыл нижние шпингалеты балконной двери, Тата принесла ему скамеечку, он поставил ее на письменный папин стол, открыл верхние шпингалеты и оказался на балконе. А рядом с балконом была водосточная труба, по которой он спустился на землю и догнал процессию... Несчастный ребенок!

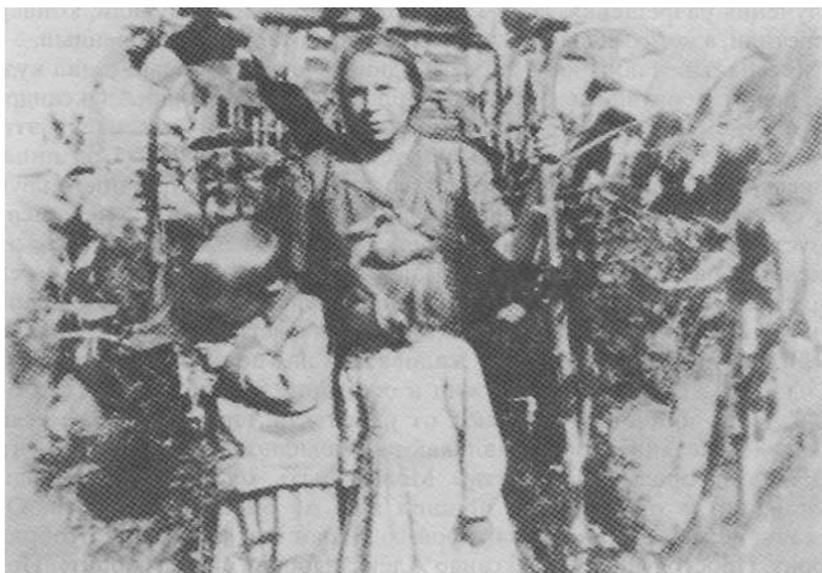
И последняя веселенькая история про Татушу. Это тоже было в Сыктывкаре. Няня от нас ушла, как только арестовали Александра Александровича, но детей она очень любила, особенно Тату. Как-то летом забегает и просит у меня дочку, чтобы с ней погулять. Было жарко, и ребята ходили в трусах и босиком. Я разрешила, и они ушли. Прошло более двух часов. Я взяла ведра и пошла к колонке за водой. Подхожу к колонке и вижу вдалеке на улице маленького херувима. Присмотрелась — да это Тата! Совершенно голенькая, даже без трусов!!

— Тата, что случилось? Почему ты одна? Где Миля? Где тусы?

Оказалось, что когда они, уже нагулявшись, собирались домой, Миля вспомнила, что брат просил купить хлеб. Миля завела Тату к себе домой и попросила ее несколько минут подождать — она купит хлеб и вернется. Тем временем Тате приспичило по маленьким делам, горшочка нет, и она замочила тусы. Не долго думая, она их сняла, бросила на пол и через открытое окно (первый этаж) отправилась домой за сухими трусами. Когда Миля обнаружила исчезновение ребенка, она более часа бегала по городу в поисках Татки и через полтора часа со слезами уселась на крыльце нашего дома, боясь подниматься ко мне. Я вышла во двор за дровами и натолкнулась на Милю, которая, рыдая и утирая лицо Таткиными трусишками, объявила, что потеряла Тату. Мы так и не знаем, по каким улицам и как Татка нашла свой дом!

Когда А.А. Баева привезли в Ярцево, он сразу же послал телеграмму в Норильск. Я была категорически против — из-за детей и по этическим соображениям. Он уехал из Норильска вопреки самому доброму отношению к нему руководства комбината, заведующего больницей Родионова и множества людей, которых он лечил и которые его боготворили. И вот, когда ему опять стало плохо, он просится принять его вновь! Конечно, ему отказали. И, слава Богу! Вторично уехать из Норильска мы могли бы только в 1955 г. и в лучшем случае полубольными. Шадрино дало нам здоровье, закалку и передышку после стольких лет жизни в Заполярье.

1 декабря 1949 г. Александр Александрович пишет В.А. Энгельгардту очень теплое письмо, в котором благодарит его за огромную

*А.Е. Алмазова с Алешей и Таней.
Нижнее Шадрино, 1951 г. Фото А.А. Баева*

помощь, оказанную мне и детям во время нашего переезда к нему: "Вы обеспечили благополучие дорогих для меня людей — Катеньки и детей!" В письме от 8 апреля 1950 г.: "Я рад, что мы все вместе". От 28 октября 1951 г.: "Ребята — это наша радость". А в письме от 31 января 1951 г.: "... наши отношения, Владимир Александрович, складывались на почве общих и любимых занятий. Теперь остались обычные человеческие связи — это корни, извлеченные из питающей их земли..." Что у Александра Александровича на душе?!

Когда в 1952 г. зимой мы решили заняться в клубе самодеятельностью, я мобилизовала всю активную молодежь и, конечно, наших медсестер и санитарок. Подготовила программу. Были и декламация, и пляски, и веселый рассказ Чехова "Хамелеон" (его должен был читать А.А. Баев) и небольшой, но "голосистый" хор (у нас одна медсестра имела хороший голос и слух). И угораздило меня на мотив песни "Дядя Ваня, хороший и пригожий" сочинить шуточную песенку о председателе местного колхоза, которого, кстати, звали Иван Иванович, с очень мягкой критикой на его скупость в отношении помощи больнице. На репетициях ее пели с большим воодушевлением — и мотив веселый, и текст правдивый. По всей вероятности, наш Иван Иванович узнал об этой критике его персоны и пожаловался уполномоченному МВД. Тот вызвал меня и попросил показать ему программу концерта (она у меня была записана в тетради). Ему все очень понравилось, над песенкой он посмеялся, но... сказал, что программу надо послать в Красноярск для

получения разрешения. Послали... и обратно ее не получили, концерт запретили, а комсомольцев за песенку проработал уполномоченный.

Месяца через полтора в деревне один мальчик, который ездил куда-то с дедом, вернувшись, заболел скарлатиной. Александр Александрович его немедленно госпитализировал. Дед-чалдон был очень этим возмущен, тем более, что его не пускали в палату. Тогда он пишет записку-каракулю примерно такого содержания: "Дохтур у моего внука нет скоротаны он качался на качулях упал и испугался и у него испуг отпусти его домой". Александр Александрович объяснил ему, что эта болезнь заразная и, чтобы не заразить других детей в деревне, он его отпустить не может. Через два дня дед явился к А.А. Баеву с огромным налимом, но Александр Александрович выставил его из квартиры. Тогда дед крикнул, что будет жаловаться на "дохтура". После этого случая А.А. Баев почему-то жил в ожидании беды. И вдруг его без объяснения причин отстраняют от работы, а через полтора месяца столь же внезапно восстанавливают. Очевидно, кляуза была, и что этот дед нагородил, неизвестно. Может быть, он припел еще один случай, когда один мужик пришел к А.А. Баеву со слезами. Он, дескать, не может уплатить второй год налог и у него хотят отобрать корову. Простодушный Александр Александрович ему и говорит: "Приводите свою корову на больничный двор, мы ее поставим в свой хлев. А когда налоговый инспектор придет, скажите, что корову Вы продали. Инспектор уедет, вы свою корову и заберете". Идиот-мужик побежал в деревню и начал всем говорить, какой доктор хитрый: "Приводи, говорит, корову в больницу, а он инспектору скажет, что купил ее у меня; а ведь потом не отдаст мою корову!" Вот какие тут встречались казусы!

Весной, когда начинался сезон охоты, Александр Александрович стрелял ондатру на корм свиньям. Шкурки снимал завхоз, а для их варки у нас был специальный чугунок. Однажды тетя Аня варила двух ондатр и, когда они сварились, поставила чугунок на железный лист около плиты остывать. Сама прилегла, а мы в это время играли в столовой в преферанс с Николаем Рупасовым — учителем математики, из кулаков, и ветеринаром Бирюковым... "Дети что-то загулялись, пойду поищу их", — говорит тетя Аня. Выходит в кухню и раздается: "Ах, батюшки!" Мы вбегаем в кухню и видим: на корточках, вооруженные вилками, около чугуна сидят наши дети и лакомятся ондатрой!! "А мы думали, что это белки!" — объявили они хором.

В хорошие весны Александр Александрович охотился на уток, но только один раз была большая удача — принес 9 уток, а то по 1–2. Через два года он от этой охоты отказался: "Жаль стало стрелять беззащитную птицу!"

"Жизнь моя совершенно бессмысленна, осмысленно только лечение пациентов и выращивание рассады", — сказал мне как-то Александр Александрович. Бедный, бедный Саша — все его мечты о науке! Осуществятся ли они когда-нибудь?..

В одну из поездок Александр Александрович едва не погиб. Был

*А.А. Баев среди персонала больницы с. Нижнее Шадрино.
Первый ряд: И. Сом, А. Рикерт, А.А. Баев, Е.В. Баева, А.Б. Орлова.
Во втором ряду, третья справа Д.М. Гринберг. 1952 г.*

срочный вызов в Тамарово, и он отправился туда под вечер. Скоро совсем стемнело, началась пурга, мороз -25°C . Дорога идет по опушке леса, ее скоро стало заметать, и возница решил спуститься на лед Енисея, хотя он местный и знал, что на Енисее даже при 50° -ном морозе есть незамерзающие из-за быстрого течения промоины ("полыньи"). Возница из-за темноты и пурги не видел как следует дороги, лошадь ступила на край подмытого льда и рухнула в ледяной Енисей, чудом не утащив за собой сани. А.А. Баев и возница были в буквальном смысле на краю гибели! Лошадь ржет, взывая о помощи, возчик ревет, как белуга, но ничем они двое помочь ей не могут. Александр Александрович, осторожно прощупывая лед, выбрался на берег. Крикнул вознице, что пойдет в деревню и пришлет помощь. Долго он тащился в дохе с тяжелой медицинской сумкой километров шесть. Пока нашел и разбудил мужиков, пока они собрали веревки и доски, пока дошли до места аварии, лошадь уже погибла. Александр Александрович был в шоке. Только на следующий день он обошел больных и вечером на местном транспорте добрался домой. Больше он ездить в Тамарово не мог, а посылал меня, зная мою осторожность, да и возницы после этого трагического случая не лезли больше на лед Енисея. Мои три поездки прошли благополучно. Выезжала я в светлое время дня и всю дорогу наслаждалась чудесной зимней сказкой: заколдованная тайга, окутанная чистым блестящим снегом, необыкновенно хороша! Скоро эту деревню куда-то перевезли, и когда через год в конце лета

мы туда добрались, то удивились, как быстро исчезли все следы бывших жителей: все так заросло травой и мелкой лесной порослью, что едва кое-где просматривались остатки фундаментов.

Вторая трагедия произошла в 1953 г. 1 мая. Местный мальчик-чалдон, года на 3—4 старше Лешеньки, выстрелил в него из лука и попал прямо в глаз. Ранение было очень сильное с кровоизлиянием во внутреннюю камеру. Два месяца Александр Александрович подолгу массировал с мазью глазик, чтобы предотвратить появление бельма.

В 1952 г. я предложила Александру Александровичу сделать для ребят театр "Петрушки". Он с явным удовольствием взялся за изготовление из дерева головок, потом по этим болванкам мы с ним делали картонаж, раскрашивали, тетя Аня шила "одежду" для наших рук, я писала пьески и, наконец, был устроен новогодний спектакль для детей сотрудников больницы и детишек из деревни. Сидеть за занавеской на корточках и говорить не своим голосом Александру Александровичу не понравилось, и больше в этой затее он участия не принимал. Старались только мы с тетей Аней, но дали еще два спектакля и охладели.

Когда мы стали учить Лешеньку беглому чтению, то Татьяна садилась за стол напротив и очень внимательно следила за всем процессом. В результате в 5 лет она бегло читала, держа при этом книгу вверх ногами. Отучали мы ее от этой привычки довольно долго. В школу Алешу повела я — для Александра Александровича один вид этой полуразвалившейся школы был непереносим и было жалко ребенка, начинавшего свой жизненный путь в таком сарае. Окна забиты фанерой, пол и парты в ужасном состоянии, 4 начальных класса учатся вместе при двух керосиновых лампах. Когда на следующий год его принимали в октябрята, я нарвелась вдосталь. Коридор с пляшущими досками, забитые досками окна, детишки одеты кто во что, на ногах опорки, из горна вылетают какие-то странные хрипы, флаг рваный, барабан с одной стороны дырявый... Так было горько за своего сына, глядя на все это убожество! Через полтора года я отвела туда и дочку. Сердце разрывалось...

В ряде вещей Александр Александрович любил полагаться на меня. Так, он очень боялся пожара в больнице и поэтому, уезжая в Ярцево весной на конференцию врачей с годовым отчетом, а летом за медикаментами да каждые полтора месяца по своему участку, он оставлял меня дома, чтобы я сторожила от напасти больницу. Если при этом завхоз оставался на месте, то это было еще переносимо, но если он уезжал заготавливать сено или дрова для больницы, то я не знала покоя. Случись что-либо, что было бы с Александром Александровичем? Да и со мной?

Я описала все, может быть, излишне подробно, но это жизнь в экстремальных условиях, при которых хорошо проявляются характеры, приспособляемость, выносливость, чувство локтя и чувство долга. Ведь не у всех так причудливо складывается Судьба!

Наступил 1953 г. Умер Сталин. Началась эра Хрущева, который освободил тысячи невинных людей. Вечная ему память! Началась реабилитация.

В.А. Энгельгардт немедленно посылает в Президиум Верховного Совета СССР Ворошилову просьбу о пересмотре дела А.А. Баева. Я со своей стороны умоляю Александра Александровича тоже написать. Он мне отказывает, а Владимиру Александровичу пишет: "Не советую браться за пересмотр моего дела и тратить на это свои силы"¹¹.

Но наша двойная атака возымела свое действие. Александр Александрович написал и послал заявление в Президиум Верховного Совета СССР: "... Я не состоял ни в каких подпольных организациях, я никогда не принимал участия в антипартийных движениях ни словом, ни делом. Я не был даже достаточно ориентирован в партийных разногласиях прошлого и не имел никаких оснований сочувствовать каким-либо антипартийным группировкам. Одностороннее и жестокое следствие преследовало только одну цель — всеми средствами добиться от меня признания моей принадлежности к контрреволюционной организации, но этого ему не удалось — я не признал себя виновным ни в процессе следствия, ни в процессе суда... Вот все, что я мог бы сказать о событиях 1937 г. Как вытекает из всего изложенного, я считал и считаю себя невиновным в инкриминированных мне преступлениях и примененные ко мне репрессии несправедливыми. Фактическая моя деятельность до и после заключения была честным трудом, которого мне нечего стыдиться. Это дает мне моральное право просить пересмотреть мое дело. Либо, если за давностью времени это невозможно, применить ко мне частичную амнистию, избавить от ссылки и вернуть гражданские права, которых я столь несправедливо лишен. 1953.10.X. А. Баев."

Привожу последующую переписку.

Главная Военная Прокуратура СССР

19 декабря 1953 г.

Ваша жалоба, адресованная в Президиум Верховного Совета СССР, передана на разрешение в Главную Военную Прокуратуру и проверяется. О результатах Вам будет сообщено дополнительно.

Воен. прокурор Отдела ГВП
подполковник юстиции [Дмитриев]

Главному военному прокурору

19 июля 1954 г.

... Прошло уже 8 месяцев, но с тех пор никаких уведомлений я не получал. Обращаюсь к вам с просьбой дать указание уведомить меня, в каком положении находится мое дело.

А. Баев.

Главная Военная Прокуратура СССР

30 июля 1954 г.

Проверка дела еще не окончена.

Воен. прокурор Отдела ГВП
майор [Захаров]

СПРАВКА

Дело по обвинению Баева А.А. пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 11.IX.1954 г.

Приговор Военной Коллегии от 19 сентября 1937 года и Постановление Особого Совещания от 25 мая 1949 года в отношении Баева А.А. по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ВРИО Председателя Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР
генерал-майор [Суслин]

Главная Военная Прокуратура СССР

9 октября 1954 г.

гр. Баеву А.А. Красноярского края,
Ярцевский р-н, село Н.-Шадрино

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР приговор по Вашему делу и Постановление Особого Совещания при МГБ СССР по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело о Вас за отсутствием состава преступления прекращено, от ссылки вы освобождаетесь.

Воен. прокурор Отдела ГВП
майор юстиции [Колосов]

Вот и все. Прожито 10 лет. Начинается новый этап нашей жизни протяженностью в 40 лет...

Наша тетя Аня подала прошение о пересмотре своего дела одновременно с Александром Александровичем и освобождение от ссылки получила одновременно с ним, так что уезжали мы вместе. Продали живность, раздали все, без чего можно обойтись в Москве. Сплавались в Ярцево, погрузились на пароход и последний бросок — Красноярск—Москва. Тягот переезда не ощущаю — рядом Александр Александрович.

Но гладко у меня ничего не проходит. Тата в поезде заболела скарлатиной, а по вагонам ходит врач и отлавливает больных. Если меня с ребятами высадят по дороге, это трагедия! Удастся замаскироваться. Встречают Энгельгардты и мачеха с сестрой. Саша с сыном едет к товарищу — Володе Бурлянду, Тату отвожу в больницу на Соколиную гору, сама с тетей Аней и багажом еду к мачехе. Нам должны через суд вернуть старую квартиру Александра Александровича. Мачеха рекомендует знакомого адвоката. Кто-то из сотрудников лаборатории В.А. Энгельгардта везет А.А. Баева в архив — надо найти подтверждение, что он владел квартирой в Москве. Счастье улыбнулось — он нашел в архиве квитанцию об оплате квартиры! Начинается суд. Рекомендованный адвокат — интеллигент весьма преклонного возраста (из "бывших" — как только уцелел?!) — ведет себя очень своеобразно. Свою речь перемежает анекдотами и французскими фразами, забывая о сути дела, чем вызывает смех публики и улыбку судьи. Так можно проиграть процесс. В перерыве отказываюсь от услуг этого адвоката,

но он требует 3000 руб. компенсации. Отдаю. Прошу перенести слушание на другой срок. Нахожу непрaktикующего уже адвоката по квартирным делам, который составляет шпаргалку для рекомендуемого им адвоката из конторы. Все оканчивается благополучно, хотя дополнительный расход 5000 руб. Хорошо, что на этот раз у нас есть свои деньги!

Право на получение квартиры у нас остается, однако старую придется оставить за пожилой парой, которая уже давно живет в ней и о А.А. Баеве никогда не слыхала. Подключается В.А. Энгельгардт. Через Академию наук получает ордер на двухкомнатную квартиру, только что освобожденную членом-корреспондентом Новоселовой. Тата с отцом живут у В. Бурлянда, сын у моей приятельницы, я у мачехи, вещи на складе в Институте биохимии. Тетя Аня уехала в Симферополь. Александр Александрович берет грузовик, забирает багаж и всех нас, и мы едем согласно ордеру. Печати сорваны, в квартире кто-то уже живет. Долго не открывают. С представителями Советской власти проникаем в нее. Большая комната занята самоуправно лейтенантом милиции — он поселил туда свою тещу (дородную, горластую, уже имеющую квартиру) с двумя внучками и всей обстановкой. В меньшей комнате: раскладушка, табуретка с остатками новоселья — поллитровкой и куском колбасы. Домуправ все выкидывает в коридор, и я с детьми вселяюсь в маленькую комнату. Начинается жизнь в осадном положении — если выйдешь, обратно не пустят! Сотрудники лаборатории В.А. Энгельгардта снабжают меня с детьми готовыми продуктовыми заказами, готовлю на электроплитке. А.А. Баева сотрудники института отвозят к прокурору города. За 10 дней надо получить решение о выселении "оккупантов".

Наступает вечер выселения. Весь коридор забит сотрудниками лаборатории В.А. Энгельгардта и работниками домоуправления. Бабка закрылась в комнате на ключ, спрятала его, влезла на подоконник и в открытую форточку заорала: "Караул, грабать! Ми-ли-ция!!" Явился с улицы милиционер. Кто-то достал топор и выбил в двери комнаты нижнюю филенку. Кто-то пролез через дыру в комнату и нашел ключ. Наконец, дверь открыта, бабка бушует и выходить не желает. Александр Александрович останавливает проходящий грузовик, научные работники начинают выносить и грузить бабкины вещи, а сама она стоит насмерть. Со второго этажа на руках ее сносят в машину.

На следующий день получаем подарки от сотрудников: платяной шкаф с зеркалом, обеденный стол и четыре стула. Александр Александрович покупает два пружинных матраца. Начинаем новую жизнь. Квартира невероятно запущенная. За окнами междугородная трасса, напротив завод "Электропровод", на котором в ночную смену вулканизируют резину. Около нас шоссе поднимается в горку — все выхлопные газы проникают к нам, на 2-й этаж, сероводород с завода тоже. Стекла непрерывно звенят от потока грузовых машин. Ванна в кухне-столовой, в ней же газовая колонка и газовая плита, подводка к раковине горячей

воды тоже от колонки. Одним словом, "мартеновский цех". Мне было суждено проработать в нем 16 лет — это после стерильного воздуха Сибири! Три раза за два года делала в квартире ремонт, окна мыла два раза в неделю, полы два раза в день — в тазу слой крупной черной сажи. Грузовые машины грохочут день и ночь. Я дважды перенесла воспаление легких, постоянно болит голова, дети непрерывно болеют, собака через 9 лет погибла от саркомы носовой полости. Александра Александровича спасало только то, что он уходил в 8 часов утра и возвращался к ужину. Но все же мы дожили до 1971 г., когда получили нормальную квартиру, в нормальном районе.

Подростие дети заводили семьи и детей. До 1975 г., пока дети не разбегались, у Александра Александровича даже не было кабинета и возможности нормально работать дома. После ужина он, сидя за газетами, подремывал минут 20, а потом трудился до 3—4 часов ночи. Во время отпуска почти всегда работал, болея тоже. На сон он себе оставлял не больше четырех часов в сутки, и так из года в год, только последние 5 лет он стал спать 5—6 часов в сутки.

Основной и незабываемой чертой его характера была бесконфликтность. Ни разу за 50 лет нашей жизни он не предъявлял мне претензий, никогда не устраивал скандалов, только в двух ситуациях с детьми (за всю жизнь!) он повысил голос. Его отличала от других людей удивительная уравновешенность и сознательный уход от негатива жизни. Свои неудачи и огорчения он предпочитал переживать сам, но быстро усилием воли отключался от них. От окружающих его людей он ждал и желал только положительных эмоций. Этим он сберегал свою нервную систему, силы и время для работы.

Мое желание поступить на работу он доверительно и ласково, но непреклонно сломил своей железной логикой, не оставляя сомнения в том, что наука для него — это жизнь, которую он, наконец, обрел: "Она нелегка, но если ты пойдешь работать, мне будет еще труднее. Не надо ломать то, что уже устоялось". Да, он психологически не мог жертвовать своей работой, к которой был предназначен самой Природой, к этому добавлялся еще и неоплаченный долг перед Владимиром Александровичем Энгельгардтом. Пришлось мне смириться и стать на всю оставшуюся жизнь хранительницей дома и семьи. Когда вечером он работал дома, а я ненадолго уходила, он всегда говорил: "Катенька, зачем ты ушла — я без тебя не могу работать!" Уйдя в науку всем своим существом и помыслами, он должен был, приходя домой, ощущать наше присутствие. Он постоянно нуждался в любви, ласке, внимании, приветливости, бережном отношении к своему труду. Науку он сам называл эгоистичной еще со времен своего аспирантства у В.А. Энгельгардта в Казани. Долгая работа врачом не только спасла ему жизнь, но и удовлетворяла духовно, так как диагностика служила ему гимнастикой для ума. Кроме того, выработались терпимость к страждущим людям, привычка к открытой улыбке и мягкий юмор. Эти качества обязательны для хорошего врача. Гуманная врачебная деятельность всегда дает моральное удовлетворение, так как благодар-

ность больных служит оценкой твоего труда, что, конечно, приятно и вливает новые силы. "Я считаю, что мои духовные способности сохранились благодаря долголетней врачебной деятельности", — говорил Александр Александрович.

Его отец, который умер, когда Шуре было 10 лет, всегда внушал ему, что врачебная деятельность самая благодарная и нужная людям. И верно заронил зернышко в сердце своего сына. Тот запомнил и выполнил желание отца, поступив на медицинский факультет.

Аналитический склад ума, самодисциплина, энциклопедическая, я бы сказала, компьютерная память, так как он мог по своему сигналу моментально вызвать из глубин памяти нужную ему в данный момент информацию, работоспособность, физическая и психическая сила, ровный и доброжелательный характер, отсутствие предвзятости, злопамятности, амбициозности, мстительности; порядочность, дипломатичность поведения, нелюбовь к конфликтам, природный такт, умение видеть в каждом человеке только хорошее и закрывать глаза на недостатки характера и поведения; здравый смысл в оценке любой ситуации; огромная преданность науке, стремление к пополнению знаний и передаче их людям, потребность быть полезным; неустанное аналитическое обдумывание возникающих в науке проблем и, конечно, юмор и обаяние — все это было присуще Александру Александровичу. Но в то же время он был легко раним, доверчив и сентиментален, любил похвалу, восхищение и даже лести не чуждался, не входя в ее побудительные мотивы.

В тюрьмах, лагерях и ссылках Александр Александрович создал для себя свой внутренний мир, который защищал его от помех мира внешнего. "В какой-то мере этот мир искусственный, построенный отчасти путем устранения, отчуждения всего, что не согласовывалось с моей личностью. Убежден, что внутренний мир содействует сохранению и утверждению личности", — писал он.

Он вечно был недоволен тем, что не во все мог вникнуть до конца, иногда хватая только вершки, и потому считал свои знания поверхностными, но это было вызвано просто отсутствием свободного времени. Отстраненный от науки в самый продуктивный период своей жизни, как он хотел заделать эту брешь! "Я мало сделал в экспериментальной и организационной областях науки" — это была его постоянная боль. "Я всегда хотел служить науке в меру дарованных мне способностей, в прогнозировании и инициации новых направлений", "Чтение научной литературы — это питание ума, интенсивная работа мысли; творческое начало в экспериментальной работе — это физическое осуществление мысли" (из личного архива Александра Александровича).

К сожалению, в 1970 г. он отошел от экспериментальной работы, но в нем "... не угасла деятельность мысли, инициатива, идейная сторона исследовательской работы. (...). Я не испытывал мук неудовлетворенного честолюбия и тщеславия, от этого спасло меня имеющееся в любой работе удовлетворение, эмоциональный и структурный оптимизм, интеллектуальная деятельность и, конечно, оценка моего труда;

*А.А. Баев, Е.В. Баева
на приеме в честь Румынской научной делегации.
70-е годы*

*А.А. Баев с сыном Алексеем и внучкой Ирой. Москва, 1993 г.
Фото С. Новикова*

моя женитьба — это постоянная поддержка и опора. И я долгое время считал своей единственной целью сохранение и поддержание моей семьи" (из личного архива А.А. Баева).

Прочитывая огромное количество научных книг, статей, журналов, работая над рефератами, прежде всего в своей области науки, но не чуждаясь и смежных, он всегда обдумывал и связывал полученные знания с сегодняшним днем науки и "переваренный" багаж информации передавал ученым-практикам, тем самым понуждая их к пополнению знаний, научному прогнозу и бескорыстию. Частые семинары о последних достижениях в науке, философские семинары должны были будить у молодежи потребность в их собственном развитии.

Кругом научных интересов Александра Александровича были с 1969 г. генная инженерия, с 1972 г. биотехнология, с 1987 г. геном человека. Казалось бы, он должен был быть этим доволен, но 17 упущенных лет, как заноза, сидели в его уме и сердце! Наука давала ему все: удовлетворение, положительные оценки его труда, награды, общение, дружеские контакты, взаимопонимание, взаимопомощь, разнообразие лиц и темпераментов, непринужденную веселость молодости; поездки за границу — контакты с учеными разных стран, новую информацию, новые впечатления, новую среду обитания, посещение выставок, музеев. Он был увлекающейся натурой — любил красивых женщин, веселых и остроумных людей, легкие разговоры, анекдоты, внимание к себе, мог при случае выпить. Это давало ему новый импульс к работе с удвоенной силой. А настоящая работа была у него дома. Он почти постоянно был в состоянии самоуглубленности, а мы черпали свои силы в любви и уважении к нему, в радости за его успехи и его счастье, которого он, наконец, достиг. Я всегда вспоминала с благодарностью В.А. Энгельгардта, который сохранил добрую память об Александре Александровиче и положил годы труда и немалые средства, чтобы дать ему возможность использовать свои силы в настоящей науке.

Последним его увлечением был компьютер. Он просиживал за ним часами. На все мои разговоры о том, что ему по возрасту уже нельзя им пользоваться, он только улыбался.

Александр Александрович всегда много читал. Литература была разнообразная: обилие иностранной и отечественной научной литературы, для отдыха — детективы, английские и французские, очень много книг по философии и психологии. Из беллетристики любил мемуарную литературу, "Тихий Дон", "Мастера и Маргариту", "Унесенные ветром" — эти книги перечитывал многократно. Любил Лескова, Достоевского, Солженицына, Карамзина, Соловьева. Увлекался политической литературой, книгами о военной разведке, истории России, истории религии, археологии, иногда поэзией. Избегал Чехова, Бунина — их произведения вызывали у него излишние волнения.

Александр Александрович любил телевизор, который у нас стоял близко от его рабочего стола. С удовольствием слушал, работая, хорошую музыку, любил певцов (мужские голоса), старинные романсы,

танцы; футбол, хоккей, бокс смотрел обязательно! В театр, на выставки, в филармонию, к друзьям и знакомым мы ходили редко — жалко было терять много времени, хотя вообще застолье он любил — обычно к нему было приковано всеобщее внимание — и выпить при случае мог с удовольствием. Рестораны не любил, банкетами тяготился. Больше всего любил ходить к Володе Бурляндю, другу юности по Казани, который был влюблен в Александра Александровича и мог слушать его весь вечер, не раскрывая рта. Вакуум впечатлений заполнялся поездками за границу, где Александр Александрович позволял себе почти полностью отрываться от работы и походить по выставкам и музеям, иногда в концерт. Любил слушать орган в Домском соборе в Риге.

Гости в доме тоже бывали редко — раздражали своей болтливостью, далекой от его интересов. Если заходили коллеги, то говорил главным образом он сам и коротко. Иногда принимали иностранцев (французов, итальянцев).

Во всем тяготел только к положительным эмоциям, юмору, легкости, краткости — это давало ему разрядку. Жалобы и различные сетования его раздражали.

Его постоянно подгоняли быстро текущие годы...

Он с удовольствием делал какую-нибудь бытовую работу, если она давала отдохновение от умственного труда или доставляла удовольствие (небольшая починка обуви, склеивание чего-нибудь сломанного). Но и то, что ему не нравилось, но было необходимо, делал безропотно и добросовестно, только его надо было просить, сам он услуги не предлагал.

Если у членов семьи были банальные болезни, его это мало интересовало, но в случае тяжелых заболеваний волновался, устраивал специализированную госпитализацию и вместе со мной или с детьми, когда болела я, навещал и обеспечивал всем, что просили (в том числе, если была надобность, то лекарствами и деньгами).

Я всегда радовалась успехам Александра Александровича, но при этом никогда не забывала, что счастье добыл ему Владимир Александрович Энгельгардт, которому было присуще гражданское мужество и рыцарская смелость — врожденные черты интеллигента, желание сделать человеку добро, идущее от души, а не от ума, и глубочайшая культура, которую он воспринял в семье. Только такой человек, презирая опасность, мог отстаивать справедливость в мире сталиных и бериев. К сожалению, этих черт в характере ученика не было.

По каким признакам Александр Александрович чувствовал, что в его жизни скоро будет поставлена точка? Маленькое разбитое им зеркальце, естественная тревога после двух инфарктов, общее недомогание, которое он, как всегда, скрывал, тяжелые вещие сны, о которых он мне рассказывал, что вообще было ему не свойственно. В последний месяц он подолгу просиживал около меня на постели, а из больницы писал мне очень ласковые и нежные письма, как в далеком прошлом... И все волновался, что так стремительно падают мои силы, и что станет со мной, когда его не будет...

Могла ли я думать, что скоро его потеряю...

Пятьдесят лет прожитой вместе жизни, полной горя и счастья, сделали нас нерасторжимыми. И по сей день я продолжаю жить рядом с ним. Я жду его прихода, советуюсь или просто с ним разговариваю, вижу его сидящим за письменным столом или около меня. Перечитывая его письма, слышу спокойный, ласковый голос...

Благословенна судьба, что долгие годы я была рядом с таким необыкновенно талантливым и ярким человеком — это был мой любимый и самый трудный ребенок.

* * *

За что мы любим горы? За их красоту, высоту и белые вершины. Они всегда манят нас к себе, особенно, когда озарены солнцем! Но не стойте долго в тени их подножий...

Август-сентябрь 1995 г.

Глава 2

ТРУДНЫЕ ГОДЫ. А.А. БАЕВ И В.А. ЭНГЕЛЬГАРТ

Е.В. Баева.

Трудные годы

¹ О начале Великой Отечественной войны участники экспедиции не знали, так как вся связь с "большой землей" находилась под строгим контролем, так называемого, политотдела экспедиции, которым факт нападения Германии на Советский Союз тщательно скрывался. Причины, по ко-

торым это делалось, до конца не ясны, но перед отправкой на "большую землю" всех участников экспедиции уговаривали остаться на второй срок в Арктике.

² Поражение прав (лишение прав) — мера уголовного наказания, заключающаяся в лишении осужденного тех или иных политических или гражданских прав. По советскому уголовному праву поражение прав назначается судом на срок не свыше 5 лет в качестве самостоятельной или дополнительной меры наказания. Поражение прав применяется лишь в отношении тех прав, которые точно перечислены в законе: избирательных прав, прав занимать выборную должность в общественных организациях, а также государственные должности, носить почетные звания и т.д. (ст. 31 УК РСФСР).

³ Ребенок был сброшен в ручей порывом штормового ветра.

⁴ См. коммент. 9 к автобиографии А.А. Баева "Дороги жизни".

⁵ Сессия Верховного Совета СССР.

⁶ МГБ СССР существовало в 1946—1953 гг., с 1954 г. КГБ при Совмине СССР.

⁷ Вероятно, имеется в виду постановление Совмина СССР "О подготовке кадров высшей квалификации в АН СССР", принятое в ноябре 1947 г. При научных академических учреждениях были созданы докторантуры.

⁸ На 1 июля 1947 г. числилось 7 филиалов и 6 научных баз (итого 13), а не 18, остальные 5, очевидно, — академии наук союзных республик.

⁹ Это был один из патрулей, которые традиционно проверяли все квартиры в центре Москвы в канун парадов 1 мая и 7 ноября.

¹⁰ В 1953 г. в Красноярском крае в ссылке находилось 10 276 человек ("Расправа. Прокурорские судьбы" М: Юрич. лит-ра, 1990).

¹¹ Александр Александрович, как и раньше, опасался, что у В.А. Энгельгардта могут быть неприятности в связи с его ходатайствами об освобождении Баева.